

АМИР
ХИСАМУТДИНОВ

РУССКИЙ
НАГАСАКИ

長崎市

А.А. ХИСАМУЛЛИНОВ

РУССКИЙ НАГАСАКИ

ВЛАДИВОСТОК
2018

УДК 93
ББК 91.9
Х51

Хисамутдинов, А.А.

- X51 Русский Нагасаки - Russian Nagasaki: Pages from a diary / А.А. Хисамутдинов — Владивосток, изд-во Дальневосточного университета, 2018 — 196 с.: ил.

Издание является попыткой составить путеводитель по русскому Нагасаки. Основой послужили полевые материалы и дневниковые записи автора, собранные в Японии во время годичной стажировки по гранту Японского фонда, а также документы из зарубежных и российских архивов. Кратко даны сведения о более чем вековой истории русского присутствия в Нагасаки, сведения о первых русских жителях и тех, кто похоронен на Русском кладбище в Инасе. Книга проиллюстрирована редкими фотографиями. Предназначена для туристов, историков, специалистов в области русско-японских отношений, краеведов, а также широкого круга читателей.

Amir A. Khisamutdinov

Russian Nagasaki: Pages from a diary

This publication attempts to create a guidebook to Russian Nagasaki. It is based on the field research and diaries of the author collected in Japan during a one-year grant from the Japan Foundation, as well as documents from foreign and Russian archives. Included are brief descriptions about the more than century-old history of a Russian presence in Nagasaki, about the first Russian residents, and about those who are buried in the Russian cemetery in Inasa. Illustrated with rare photographs, this book is designed for tourists, historians, specialists in Russo-Japanese relations, regional historians, and a wide circle of readers.

УДК 93
ББК 91.9

© Хисамутдинов, А.А., 2018

© Михайлова, А.В., обложка и оформление,
2018

© Издательство Дальневосточного ун., 2018

Признание в любви к Нагасаки: Предисловие

Будучи в 1980-х годах ученым секретарем Приморского филиала Географического общества СССР (ныне Общество изучения Амурского края), мне часто приходилось встречаться с помощником начальника Дальневосточного пароходства Б.В. Метелевым. Однажды он познакомил меня с министром Морского флота СССР Юрием Михайловичем Вольмером, который заинтересовался моими исследованиями в области российско-японских отношений и предложил стать научным консультантом советской делегации, отправляющейся в Японию для переговоров по поводу организации выставки «Нагасаки-Путешествие-90». Это была незабываемая поездка, в ходе которой не только были решены организационные вопросы, но и состоялось знакомство с прекрасным городом, который своим географическим положением и рельефом очень напоминает Владивосток. После командировки началась работа по формированию выставки: ездил в Москву и Ленинград, договаривался о предоставлении экспонатов с Кунсткамерой, Музеем Военно-морского флота и другими хранилищами, где имелись уникальные материалы по истории русского присутствия в Нагасаки.

Выставка имела большой успех, оставив у меня стойкое желание продолжить исследование русских страниц в истории Нагасаки. Мало-помалу набирался интересный материал, но о том, чтобы еще раз оказаться в Нагасаки, даже не мечтал. Это удалось спустя много лет благодаря гранту от Японского фонда (Japan Foundation). Подавая заявку на него, в удачу я верил слабо: особых заслуг в деле изучения Японии не имел,

но все же решился и написал о желании заняться темой «Влияние японской культуры на российский Дальний Восток (The Influence of Japanese Culture on the Russian Far East: Historical and Anthropological Aspects = 日シヤにおける日本文化の普及). К моему удивлению, однажды раздался звонок из Генерального консульства Японии, и мне сообщили, что я могу отправиться в Страну восходящего солнца на год и заняться исследованиями по своей теме. Так мне удалось посетить многие места Японии, где бывали русские люди, в том числе и город Нагасаки.

Рискну предположить, что современный читатель совершенно не знает историю Нагасаки, разве что вспомнит роман В.С. Пикуля «Три возраста Окини-сан» или оперу «Чио-Чио-сан» («Мадам Баттерфляй»). На самом деле, о Нагасаки писали многие и много. Просмотрев всю литературу, посвященную жизни россиян в этом городе, считаю самым ценным источником материалов журнал «Морской сборник». Именно на его страницах впервые увидели свет воспоминания И.А. Гончарова¹. Там же впервые были опубликованы отчеты Е.В. Путятина². Не счесть рапортов и статей, написанных офицерами, служившими на кораблях, заходивших в уютную бухту Нагасаки.

Имеются и отдельные издания об этом городе. Прежде всего, это мемуары известных деятелей, побывавших в Нагасаки, например И.Ф. Крузенштерна³. О своей временной жене-японке рассказал великий князь Александр Михайлович⁴. Бесценными оказались почти забытые ныне журналистские зарисовки В.В. Крестовского⁵. Эпохальным стал визит в Японию цесаревича Николая, о котором рассказал Э. Э. Ухтомский⁶.

Современные российские исследователи также не

прошли мимо истории русского Нагасаки⁷. Некоторые факты из истории этого города поведал В.Г. Гузанов, частично описавший русские могилы⁸. Его книгу выпустили в Японии в сокращении под названием «Могилы русских воинов в Японии. 1904-1905 гг.». Сейчас описание этого кладбища можно найти в Интернете⁹.

Прожив месяц в Нагасаки и прошагав его вдоль и поперек, автор влюбился в этот город. Путевой дневник каждый день пополнялся впечатлениями от прогулок и исследований. Помещая дневник в данную книгу, надеюсь, что он станет своеобразным путеводителем по этому городу на юге Японии, и расскажет не только о русских страницах в его истории, но и о том, что связывает наши народы.

В написании этой книги помог профессор Казухико Савада, а подготовку к изданию осуществила Анна Михайлова, которым приношу искреннюю благодарность.

Хисамутдинов, Амир Александрович - доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета. Владивосток. Email: khisamut@yahoo.com

ДЕНЬ 1-ЫЙ

«Путешествия – Нагасаки – 90», или возвращение «к родным берегам»

Махнув на прощание рукой изнывающему от зноя Киото, нырнул в уютный и прохладный вагон скоростного поезда. Пожирая мили, синкансен¹⁰ помчался на юг Японии. В голове всплыли строки из песни Владимира Высоцкого:

Он капитан, и родина его — Марсель.
Он обожает споры, шумы, драки,
Он курит трубку, пьет крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки.

Говорят, что сюжет этой песни привезли в Россию русские моряки¹¹. В истории осталось немало свидетельств о том, как они любили японских девушек из этого южного города. Если покопаться в генеалогических корнях жителей Нагасаки, то, вероятно, можно найти немалую примесь русской крови. Мне же предстояло разобраться в русской истории Нагасаки.

За окном вагона пролетали ухоженные поля, и мне показалось, чем ближе мы приближались к югу, тем больше менялся их вид. В Японии не пропадает даром ни один клочок земли, которую можно использовать для земледелия. Исключением не являются даже маленькие островки, где умудряются возделывать каменистые берега. Но это совершенно не значит, что ради урожая в Японии готовы жертвовать лесом, которого здесь предостаточно. За полями никто не смотрит, так как краж урожая не случается, разве что птицы норуют полакомиться фруктами. Однако от пернатых во-

Вход в бухту Нагасаки. Фото автора

Нагасаки. Фото автора

Русская девушка из Нагасаки.
Начало 20-го века. Собр. автора

ришек плодовые деревья защищены густыми сетками.

Поезд поминутно нырял в туннели, которые то и дело прорезали горы. С каждой остановкой вагон все больше пустел: к выходу устремлялись пожилые японцы с внучатами, деловые командировочные или же простые клерки. Они очень напоминали наших пассажиров. Разглядывая проносившийся мимо пейзаж, вспоминал о том времени, когда впервые побывал в Нагасаки. В 1990 г. там проводилась международная выставка «Путешествия-Нагасаки-90». Б.В. Метелев из Дальневосточного пароходства, директор выставки с российской стороны, предложил Приморскому филиалу Географического общества выставить в Японии свои раритеты. Мы, конечно, согласились, но захотели получить для Общества денежную помощь. В ответ Борис Владимирович несколько раздраженно сказал:

— Все учреждения выставляют свои экспонаты бесплатно, так как это связано с престижем нашей страны, а деньги мы выделяем только для человека, который во время работы выставки будет находиться с коллекцией. Выбирайте, что вам важнее, для общественной организации готов сделать исключение.

В деньгах Общество очень нуждалось, и выбор был сделан без раздумий. Правда, теперь мне жаль, что упустил шанс провести три месяца в Японии с этой интересной выставкой, хотя дома потратил немало времени на ее организацию. Но съездить в Нагасаки на несколько дней тогда все же удалось, и я всей душой полюбил этот южный японский город, очень похожий на Владивосток своим морским колоритом и гористым рельефом. И вот я снова еду туда, на этот раз, получив грант Японского фонда на исследования.

Открыл небольшой путеводитель и прочитал, что

Нагасаки. Общая панорама. Фото автора

население Нагасаки составляет около 450 тысяч человек, а площадь города — 340 кв. километров. Не густо, но Нагасаки считается одним из промышленных центров, тесно связанным с морской индустрией. Важной составляющей доходной части городского бюджета является туризм. Здесь множество достопримечательностей, в том числе связанных с атомной бомбардировкой в 1945 г. Из-за нее Нагасаки считается символом мира. Все это сказано в путеводителе на русском языке, изданном в Японии. Увы, о русском присутствии в этом городе в нем не оказалось ни строчки.

Наконец, вокзал. Все с шумом поднялись с мягких кресел вагона и нескончаемой лентой растеклись по виадукам. Я спешил: времени было в обрез. Офис, где лежали ключи от квартиры, заблаговременно снятой на ближайший месяц, закрывался через полчаса. Хотя, судя по карте, он находился где-то неподалеку, рисковать не хотелось, поэтому бросился на стоянку такси. Как водится в Японии, водитель, приятный молодой человек, встретил меня с распростертыми объятиями. Впрочем, это русское выражение в Японии неуместно:

здесь не принято обниматься, даже рукопожатия редки. Японское проявление радушия — это низкий поклон и масса вежливых слов.

В офисе, куда успел за пять минут до окончания работы (и это на такси!), ожидали формальности: заполнение анкеты, снятие копий с документов.

— Не могли бы Вы поставить отпечаток Вашего инкана?
— попросил меня вежливый клерк.

Инкан автора

Личная печать Inkan 印鑑 является официальным свидетельством любого жителя Японии. Она имеет овальную форму диаметром 1—1,5 см и обычно прикреплается к торцу небольшого стерженька, изготовленного из дерева, слоновой кости, хрусталя или камня. Часто эта вещь представляет собой произведение искусства. Обычно каждая семья имеет общую печать jitsuin 実印, что буквально означает «настоящая печать», которую нужно зарегистрировать в специальном учреждении. Ее используют исключительно в официальных документах и важных почтовых операциях. Дизайн написания имени или фамилии владельца тщательно разрабатывается, чтобы его трудно было подделать. Для повседневного пользования у каждого японца имеется незарегистрированная печать mitomein 認印, на которой изображается простейшая комбинация ие-

роглифов, характерная для данных имени и фамилии, по-нашему, инициалы. Такие печати можно легко купить в любом магазине канцелярских товаров, если, конечно, ваше имя достаточно распространено в Японии. В японских семьях имеется несколько таких печатей, они используются для незначительных официальных операций, к примеру, для получения зарегистрированной почты.

Иностранцы, проживающие в стране больше 90 дней и прошедшие регистрацию, в обязательном порядке получают собственную печать. Была она и у меня, но где ее сейчас найдешь в багаже? Заметив заминку, клерк понимающе кивнул, и через две минуты печатью послужил мой палец, обмакнутый в специальную мастику. На всю процедуру ушло пять минут, и мне выдали ключ вместе с картой местности.

Опять такси. Изучив карту, мне показалось, что жилье находится недалеко. По владивостокским понятиям это расстояние можно сравнить с дорогой от железнодорожного вокзала до Орлиной сопки. На самом деле дорога запетляла по склонам сопки, которых немало в Нагасаки, и казалось, ей не было конца. Возможно, сказывались усталость от дальнего переезда и нетерпение обрести свой угол, в котором предстояло прожить целый месяц.

Как-то совершенно неожиданно на город упали сумерки, и тьма стала быстро сгущаться. Все домики сразу оказались похожими друг на друга. Водитель такси, мужчина лет пятидесяти, остановившись в одном из проулков, махнул рукой в темноту и сказал, что мой дом находится где-то там, но машина проехать туда не может. Выходить из такси в полную неизвестность как-то не хотелось. Вероятно, почувствовав мою неуверен-

Стенд с Русскими достопримечательностями в Нагасаки. Фото автора

ность, водитель выскочил из машины, предварительно выключив счетчик, и принялся искать прохожих. Надо сказать, что в Японии, на мой взгляд, одна из самых запутанных адресных систем: города поделены на районы, где порой и улиц никаких нет. Даже номера домов идут не по порядку, а по времени их постройки. Поэтому найти в незнакомом городе нужный адрес — задача не для слабонервных. Даже жители района не всегда знают, где какой дом находится. Говорят, что разбираются в этой путанице только полицейские и почтальоны. Но в этот час ни тех, ни других рядом не оказалось, а редкие прохожие на наши вопросы пожимали плечами. Только через полчаса любезный водитель нашел-таки человека, который смог показать нужный дом, и радостно сообщил мне об этом. Я попытался дать ему чаевые, но японец наотрез отказался — оплата только по счетчику!

Электронным ключом открыл дверь. Включаю свет — и новое приключение: лампочки не горят. У порога, освещенного уличным фонарем, обнаруживаю пакет с кипой инструкций. В одной из них нахожу полезную для меня информацию: прежде всего надо включить рубильник. Где же его искать почти в полной темноте? Пришлось обшарить стены — сантиметр за сантиметром — в крохотном коридорчике. Уже при свете изучил остальные бумаги. В них постояльцу советуют заезжать в квартиру в светлое время суток, «чтобы не создавать проблем себе и не беспокоить соседей». Хороший совет, но как ему следовать, если единственный поезд приходит в Нагасаки вечером?!

Кстати, о соседях. В попытках найти рубильник, я хотел спросить о нем у соседей. Оглядев дом со всех сторон, обнаружил свет только в одной квартире. На

Вид на вечерний Нагасаки. Фото автора

Вид на Нагасаки из временной квартиры автора

Бухта Нагасаки. 1886. Собр. автора

звонок ответил женский голос, но, к сожалению, я ничего не смог добиться от своей соседки. Она сделала вид, что не понимает меня (а может, и в самом деле не понимала?!), и, не открыв двери, постаралась быстренько завершить разговор. А ведь в бытность здесь первых русских у японцев вообще не было принято закрываться на замок. Русские отмечали: «В Японии пока еще свято уважают человеческий труд и собственность. В Японии даже замки на дверях, если и употребляются, то только в тех местах, где поселились европейцы, а внутри страны замков почти не знают: в них нет надобности». Что ж, иные времена — иные нравы.

Квартира оказалась очень уютной, со всеми удобствами, что-то вроде нашей гостинки. В коридоре имелся кухонный отсек с холодильником, микроволновкой и новейшего типа плитой, а в ванной комнате помимо душа была установлена и ванна-офуро. Небольшая жилая комната была обставлена в европейском стиле. Стол, стулья, приподнятая над полом лежанка вместо

кровати — компактно и удобно. Через телевизор можно подключиться к Интернету, а кондиционер спасал от августовской духоты.

Быстро распаковав вещи, отправился на поиски магазина: что за исследования на голодный желудок? Опять немного пропетляв, с помощью редких прохожих вышел к крошечному магазинчику, в котором, несмотря на поздний час, копошились хозяева. Особого разнообразия продуктов не увидел, но кое-какой немудреной еды на ужин и завтрак купил.

Теперь можно вздохнуть с облегчением — цель достигнута, и полностью окунуться в полевые изыскания. Это только на первый взгляд кажется, что историку для работы достаточно книг в библиотеке или архиве. Без хождения по местности, где происходили события давно минувших дней, не почувствуешь запах Истории, а значит, и не сможешь достоверно описать прошлое.

ДЕНЬ 2-Й

Знакомство с городом и встреча с «предками»

Утром обнаружил, что мой дом стоит на вершине одной из сопok, окружающих бухту Нагасаки. Так и представил себя «горным аскетом»-yamabushi 山伏. Правда, этому мешало присутствие других людей. Вокруг дома — выше и ниже — к склону прилепилось еще множество строений, маленьких и побольше. Настроение было под стать яркому солнечному дню. Хотелось, не медля, отправиться на поиски следов русского присутствия в Нагасаки. На ближайшем перекрестке висело расписание движения автобуса, на котором можно до-

Вид на Нагасаки. Фото автора

браться до центра, но обитатели района, игнорируя его, устремлялись пешком по многочисленным тропинкам и лесенкам, ведущим к подножию горы. Внимательно изучив карту, последовал за ними и, как оказалось, правильно сделал. За десять минут по тщательно отделанным ступенькам сбежал мимо ухоженных домиков с живописными, как на картинках, садами, и старинных храмов с примыкающими к ним кладбищами на оживленную улицу.

Начало осмотра — вокзал, где расположен городской туристический центр (City Information Center). Симпатичные девушки бесплатно вручили подробную карту достопримечательностей и рассказали, как до них добраться. Меня больше всего интересовало Иностранное кладбище около храма Госиндзи. Оказалось, что это довольно близко.

Уличный указатель «Международное кладбище Инаса 20 метров».
Фото автора

— Вы можете сесть у вокзала на автобус и тогда, проехав через мост, попадете к храму.

На вопрос о Русской деревне в Инасе знатоки Нагасаки удивленно покачали головой.

Что ж, разберемся и без них. От вокзала улица привела меня к бухте, очень похожей на бухту Золотой Рог. Это сходство еще более усилилось, когда дошел до вокзала местных морских перевозок, выстроенного в ультрасовременном стиле. Совсем, как во Владивостоке, здесь сновали катера и небольшие парходики. У причалов выстроились вереницы пассажиров, ожидающих посадку. Несколько причалов отданы под туристические маршруты. У одного из них стоял под парами белоснежный катер. Едва успел купить билет и добежать до пирса, как матрос отдал швартовы.

Конечно, берега бухты ничем не напоминали прошлое. Не приметил никаких военных сооружений типа батарей, которые, по описанию русских моряков, были сложены из дикого камня и покрыты дерном. Сейчас другие времена! Известный писатель Иван Гончаров 9-го сентября 1853 г. записал в дневнике: «Мы с любопытством смотрели на великолепные берега пролива, мимо которых ехали. Я опять не мог защититься от досады, глядя на места, где природа сделала со своей стороны всё, чтоб дать человеку случай приложить и свою творческую руку и наделать чудес, и где человек ничего не сделал. Вон тот холм, как он ни зелен, ни приятен, но ему чего-то недостает: он должен бы быть увенчан белой колоннадой с портиком или виллой с балконами на все стороны, с парком, с бегущими по отлогостям тропинками. А там, в рытвине, хорошо бы устроить спуск и дорогу к морю да пристань, у которой шипели бы пароходы и гомозились люди. Тут, на высокой горе, стоять бы монастырю с башнями, куполами и золотым, далеко сияющим из-за кедров, крестом. Здесь бы хорошо быть складочным магазинам, перед которыми теснились бы суда с лесом мачт (...). Мы не верили глазам, глядя на тесную кучу серых, невзрачных одноэтажных домов. Налево, где я предполагал продолжение города, ничего не было: пустой берег, маленькие деревушки да отдельные, вероятно, рыбацьи хижины. По мысам, которыми замыкается пролив, всё те же дрянные батареи да какие-то низенькие и длинные здания вроде казарм. К берегам жмутся неуклюжие большие лодки. И всё завешено: и дома, и лодки, и улицы, а народ, которому бы очень не мешало завеситься, ходит уж чересчур нараспашку».

Все изменилось коренным образом, и наш классик сегодня не узнал бы местности. На окрестных сопках

Русский морской офицер на одном из туристических стендов в Нагасаки

Русские шлюпки на фоне Инасы. Середина 1890-х гг. Собр. автора

террасами расположены симпатичные строения, окруженные густой зеленью садов и парков. Хотя здесь не заметно такого разнообразия изощренной архитектуры, какую видишь в Иокогаме или Кобе, застройка Нагасаки радует глаз. Вдоль берегов, где когда-то, а с точки зрения истории, совсем недавно, стояли русские корабли, сейчас везде видны мощные причалы с кранами. Нагасаки — крупнейший судостроительный центр Японии. Выделяются причалы компании «Мицубиси», где ведется достройка мощных контейнеровозов, балкеров и танкеров. На одном приметил надпись, что его строят для компании «Сахалин». Связь времен...

А вот и Инаса, русская деревня, хорошо знакомая по старинным фотографиям. Там, где по моим прикидкам находился причал для ремонта первых русских кораблей, виднелись два мощных японских сторожевика. Несколько огромных судов стояли на рейде. Мы прошли под громадным мостом, соединившим проти-

воположные берега бухты. Именно о таком мечтают владивостокцы. В динамике катера звучал бодрый голос диктора, рассказывающего о достопримечательностях, мимо которых проходил наш катер. Вот показался островок, откуда в давние времена сбросили на камни первых японских христиан. «Когда в Нагасаки будет издаваться “Иллюстрация”, непременно нарисуют эти камни, — писал об этом событии Гончаров. — И Паппенберг тоже, и Крысий, другой, маленький пушистый островок. В тексте скажут, что с Паппенберга некогда бросали католических, папских монахов, отчего и назван так остров. В самом деле, есть откуда бросать: он весь кругом в отвесных скалах, сажень в десять и более вышины. Только с восточной стороны, на самой бахромке, так сказать, берега японцы протоптали тропинки да поставили батарею, которую, по обыкновению, и завесили, а вершину усадили редким сосняком, отчего вся гора, как я писал, имеет вид головы, на которой волосы встали дыбом. Вообще японцы любят утыкать свои холмы редкими деревьями, отчего они походят также и на пасхальные куличи, утыканные фальшивыми розанами. На Крысьем острове избиты были некогда испанцы и сожжены их корабли с товарами. На нем, нет сомнения, будет когда-нибудь хорошенький павильон; для другого чего-нибудь остров мал».

Классик был совершенно прав. Японские католики с миссионерами соорудили храм, а на вершине горы, откуда сбрасывали в море первых христиан, отчетливо вырисовывается видовая площадка с огромной белой статуей. У меня же мелькнула мысль, что отсюда несколько веков назад Япония имела «окно» во внешний мир. Но если Петр Великий всеми силами стремился прорубить окно на запад, Япония, напротив, следуя

Памятник первым христианам в Нагасаки. Фото автора

примеру Китая, соорудила «стену», чтобы оградить себя от иностранного влияния. Правда, нельзя забывать о том, что Япония имела «черный ход» на севере, через который контрабандой получала товары. Существует версия, что японцы совершали незаконный обмен через Сахалин (Карафуто) с Китаем. «Сахалинцы» в свою очередь имели связи с территорией нынешнего Приморья, которую японцы называли Сантан, откуда получали особую парчовую ткань, которая весьма ценилась для оби и одежды буддийских монахов.

Весь день я бродил по центру Нагасаки, стараясь надышаться воздухом этого легендарного города. Только-только задумал вернуться домой — ноги сильно устали, как вдруг увидел, что вдоль центральных улиц застрои-

Нагасаки. Фото автора

лись процессии японцев, несущих на плечах что-то наподобие лодок самых разных размеров и конструкций. Сразу вспомнился отрывок из «Фрегата “Паллада”»:

«Но что это несется мимо нас по воде: какая-то маленькая, разукрашенная разноцветными флажками шлюпка-игрушка?

— Это у них религиозный обряд, — сказал один из нас.

— Нет, — перебил другой. — Это просто суеверный обычай.

— Гаданье, — заметил третий, — видите, видите, еще такая же плывет? Это гаданье; они пробуют счастья.

— Нет, позвольте, — заговорил кто-то, — у Кемпфера говорится...

— Просто игрушки: мальчишки пустили, — проворчал сквозь зубы дед.

И чуть ли это мнение было не справедливее всех ученых замечаний. Но здесь всякая мелочь казалась зна-мена-тельною особенностью».

Вспомнилось, что утром, разглядывая улочки вокруг моего временного жилища, заметил, как группа японцев крутилась вокруг такой же лодки, приделывая к ней колеса и украшая фонариками. Тогда я не придал этому особого значения: мало ли что могут мастерить японцы в выходной день, но сейчас увиденное утром обрело особый смысл. Да ведь это О-Вон, буддистский праздник всех душ!

Вообще-то по традиции поминовение душ происходит несколько дней по лунному календарю в середине июля, когда по преданию души умерших возвращаются в свои дома. Но в последнее время этот праздник все чаще отмечается в середине августа. Многие японцы в эти дни возвращаются в свои родные места поклониться праху родственников. Души умерших приглашаются домой вечером 13-го, чтобы возвратиться в другой мир вечером 15-го или утром 16-го. В течение этого времени совершаются буддистские службы, зажигают фонарики и запускают фейерверки, чтобы указать душам умерших путь к дому, приносят на могилы угощения, предназначенные для покойных, исполняют особый праздничный танец «bon-odori»

Остановившись, стал разглядывать, как отмечают этот праздник сегодня. Со всех сторон Нагасаки к набережной стекались красочные процессии. У каждой группы японцев было свое стилизованное изображение старинной лодки-фуне. Они были искусно декорированы множеством бумажных фонариков, зелени и цветов. На рубке или носу лодки имелись фотографии людей, ушедших в мир иной, и их имена. Некоторые

Нагасаки. Фото автора

построили огромные модели японского судна, которые передвигались на колесах. Все лодки были похожи на сказочных птиц, готовых отправиться на встречу с умершими. Все члены одной команды были одеты одинаково: в кимоно или другую униформу с иероглифами покойных. Шествие сопровождалось беспрестанными оглушительными взрывами хлопушек и треском фейерверков. В воздухе стоял дым, а многие зрители затыкали уши.

Интересно был наблюдать за манифестантами. Некоторым из них, видимо, принявшим «на грудь» в процессе подготовки к шествию хорошую дозу саке, размеренное шествие скоро поднадоело. Они сначала набирали скорость, а потом резко тормозили и делали пируэт со своими мощными лодками, выдавая при этом серию хлопушечных залпов. Интересно, что никто из зрителей или других участников праздника при этом не выражал недовольства, напротив, все от души

Нагасаки. Фото автора

веселились. Несмотря на наличие изрядно выпивших, не заметно было и пьяных разборок. Правда, многочисленные полицейские были начеку. Когда одна не в меру развеселившаяся мужская компания, явно разгоряченная спиртным, стала выписывать своей лодкой немыслимые зигзаги, ее тут же остановили и призвали к порядку. В знак протеста японцы сделали попытку поджечь целый ящик фейерверков, но полицейские вовремя заметили и успели раскидать опасные игрушки. Инцидент был исчерпан за две минуты.

По мере приближения к набережной толпа сгущалась. Быстро темнело, и на лодках зажглось множество огней — незабываемое зрелище! Потоки людей направлялись к специальному причалу. Во времена Ивана Гончарова отсюда лодки уходили в вечное плавание, где их встречали души умерших. Сейчас же на причале путь мемориальных лодок заканчивался. Их принимала осо-

бая группа людей, возвращая фотографии. Неподалеку, в соседнем проулке, было место, где собирали цветы и подношения от индивидуальных участников праздника. На помосте уже высилась огромная гора, а люди с букетами цветов, какими-то свертками и маленькими корабликами все шли и шли. Как-то в одном из синтоистских храмов Токио услышал и запомнил заупокойную молитву, которую и прочитал, обращаясь к душам моих соотечественников, нашедших последний причал в Нагасаки. Мне показалось, что присутствие на этом празднике приблизило меня к ним.

ДЕНЬ 3-ИЙ

В бывшей русской деревне Инаса, или храм Доброго разумения

Посмотрев карту, решил добраться до Инасы пешком. Город по-настоящему познается только ногами! Оставив с правой стороны железнодорожный вокзал, повернул в сторону бухты и направился к мосту, перекинутому через реку Ураками (Urakami gawa), впадающую в бухту Нагасаки (Nagasaki-ko:). Чуть в стороне велись какие-то строительные работы. В Японии их отличительной чертой является то, что они совсем не мешают прохожим и транспорту. Если нужно отремонтировать дорогу, то делают это глубокой ночью. Днем же рабочая техника обычно «отдыхает» на разделительной полосе. По мосту проложена удобная пешеходная дорожка, украшенная незатейливым узором. День был жарким, и небольшой ветерок на мосту приятно охла-

Нагасаки. Фото автора

ждал. Сверху было видно, что бухта значительно уменьшилась в размерах по сравнению с тем временем, когда здесь бросали якорь русские суда. Что ж, известно, что в Японии земли не хватает, и ее отвоевывают у моря.

Почти все склоны горы Инаса густо облеплены небольшими домами. Ближе к берегу этажность увеличивается. Со стороны города вид на Инасу загораживает пара высотных домов. Вдоль бухты пролегла скоростная дорога. В первом дальневосточном путеводителе по Японии отмечалось: «Инаса-яма, иначе Русская гора, высотой в 1300 фут, со стоящим у подошвы русским морским госпиталем». Склоны ближайшей сопки, как обычно в Японии, укреплены бетоном, но кое-где выложены диким камнем и искусно обсажены деревцами и травой. Все по деньгам...

Признаюсь, немного волновался, подходя к Русской горе, даже почувствовал, как учащенно забилось сердце. Одно дело сидеть в библиотеках или архивах, а другое — вдыхать ароматы истории на тротуарах этого легендарного местечка. Японцы говорят, что «путь [познания] ведет к вершине горы. Но достигший ее сомневается, истинным ли путем шел он».

Тем ли путем, кстати, иду я? Взяв немного вправо, по узкой улочке стал подниматься вверх. Пять минут ходьбы, и я в бывшей Русской деревне, так называли эту местность в конце 19 века. Дома наклеплены один на другой, все очень разные. Где-то у входа приютился мотороллер, мопед или автомобиль, весьма маленький, большой сюда просто не пройдет. От прошлого остались широкие раздвижные двери, которые при желании можно открыть на весь дом. Некоторые из них служат входом в мастерскую обувщика или зеленщика. Постучаться и спросить, что они знают о моих соотече-

Первые английские и русские могилы в Инасе, 1855 г.

ственников, некогда живших здесь?

Судя по карте, до храма Госиндзи и Иностранного кладбища рукой подать. Встретился японец с европейскими чертами лица. Может, у него в роду имеются русские корни? Так и хотелось сказать ему по-русски «здравствуйте»: в свое время это слово, как и «спасибо», и «хорошо», отлично знали все жители русской Инасы.

Первые европейцы прибыли в Нагасаки в 1570—1572 гг. Их называли Nanbanjin 南蛮人, буквально «южные варвары». Они несли христианские идеи, а заодно и уничтожали старые храмы. Участились случаи нападения на священников синтоистов или буддистов. Японцы терпимо относились к другим верованиям и

не понимали, почему христианство заняло столь радикальную позицию по отношению к японским религиям. Узнав об этом, старший священник храма Zendoji Chikudo (префектура Фукуока) Genko-Ocho: (1552—1626) в 1596 г. пришел в Нагасаки с целью остановить христиан и восстановить буддистские ценности. Он поднялся на гору Инаса, неся с собой монашеские пожитки. К нему присоединились еще двое священников из Китая Oyokau и Cho:kitsusen (быв. Goso:gen), они-то и основали этот храм.

Вот мелькнула роскошная крыша типичного японского храма и указатель «улица Храма Госиндзи» (Goshinji Temple Street). В уме мелькнули строки, написанные одним из первых русских жителей этого места: «Храм обращен на юг, и больные целый день пользовались живительными лучами солнца, которое в октябре месяце в Нагасаки почти не помрачается облаками. Расположенный на горе, далеко от городского шума и дурных испарений, которые бывают так сильны в городах, где не обращено внимания на чистоту воздуха, и, наконец, возвышаясь над туманами, ложившимися по утрам на нижний город, храм представлял счастливое сочетание гигиенических условий». И сейчас храм Доброго разума Госиндзи стоял весь залитый солнцем, глядя с высоты на оживленную бухту. Подходя к храму, увидел здание районной полиции. Вспомнилось, что первыми японскими полицейскими стали те, кто охранял покой русских моряков с «Аскольда». Главные ворота храма стояли в лесах: большой ремонт. Почти ничего не осталось от знаменитой каменной лестницы, по которой поднималась и спускалась не одна сотня русских моряков. Именно здесь, на верхней ступеньке, на длинном флагштоке развивался русский флаг, замет-

Храм Доброго разума Госиндзи

ный даже с рейда. Там, где располагался домик японского полицейского, переводчика и чиновника, а потом грелись на солнышке русские больные, теперь находилась стоянка автомобилей.

Знаменитым стало и Иностранное кладбище при храме. Здесь нашли последний приют китайцы, португальцы, голландцы, русские, англичане и немцы. Первыми, уже в 1602 г., стали хоронить китайцев, позже голландцев, следом за ними русских (с 1858) и других иностранцев (с 1859). До сих пор сохранился алтарь китайцев — бетонная чаша и по обе стороны от нее два столбика метровой высоты.

Если оставить храм слева, то каменная дорожка приведет прямо к Русскому кладбищу. Решив пока не беспокоить монахов, сразу направился к нему. Готовясь посетить кладбище, накануне посмотрел информацию в Интернете и обнаружил там любопытное интервью

Русское кладбище в Нагасаки

с известным писателем Борисом Акуниным. Большинство читателей знает его по детективным романам, мне же кроме того запомнились его «Кладбищенские истории»¹⁹. Увы, в них ничего не нашел о нагасакском кладбище, хотя, думается, оно было свидетелем немалого количества интереснейших историй. Некоторое объяснение этому и находим в интервью:

«Б.А.: ...Специально летал в Нагасаки именно ради этого кладбища. Но оно мне не подошло, потому что, когда попадаешь на кладбище, надо понять и почувствовать, это правильное кладбище, годится оно для моей книги или нет... На кладбище в Нагасаки я этого не почувствовал.

Би-би-си: Почему же?

Б.А.: Мне трудно это себе объяснить. Понятно, что мне совершенно не годятся кладбища, на которых продолжают активно хоронить, потому что там до та-

кой степени ощущается острый запах горя, несчастья, условно говоря, мертвечины, что это забивает все более интересные запахи. Я, как черт от ладана, от таких кладбищ убегаю. Мне нужно, чтобы кладбище было старое, более или менее заброшенное и запущенное. На таких кладбищах существует особый, застоявшийся, густой воздух истории. Там время движется в другом темпе. И я это сразу чувствую. На кладбище в Нагасаки я этого не почувствовал. Не знаю, почему. Может быть, потому что там исторические секторы чередуются с современными. Там есть замечательный русский уголок, русский дворик такой, где похоронено много моряков — в Нагасаки была русская морская база и там похоронено много пленных от русско-японской войны. Но этого оказалось недостаточно».

Это интервью меня несколько удивило, так как Борис Акунин, по образованию японовед, должен был бы лучше знать историю Страны восходящего солнца. Иностранное кладбище в Иокогаме ему понравилась, хотя именно там продолжают хоронить иностранцев и иноверцев. А Русское кладбище в Инасе давно уже не действует, никого не хоронят ни на нем, ни по соседству. Возможно, литератор поймет свою ошибку и еще порадует своих поклонников какой-нибудь душераздирающей кладбищенской историей, связанной с русскими в Нагасаки.

Из-за боязни ошибиться и сбиться с пути, решил уточнить дорогу у пары пожилых людей, которые мирно перемывали косточки соседу.

— Вы не подскажите, где здесь русские могилы?

Удивленно посмотрев на меня, старик махнул рукой:

— Пройдете сотню шагов и увидите белое здание с крестом...

Меня не смутила калитка, закрытая на металлическую цепь с замком. Если уж последний российский император перелез здесь через изгородь, то и я решил не пренебрегать этим способом. Мне показалось, что на русском погосте ничего не изменилось после моего первого визита сюда почти двадцать лет назад. Тогда я описал свои впечатления в статье «Мир праху твоему!», закончив ее призывом начать сбор денег на реконструкцию кладбища. Увы, никто не откликнулся, и где-то в редакции затерялся мой гонорар, отданный на эти цели.

Мне вспомнились факты 150-летней давности. Во время десятимесячной стоянки фрегата «Аскольд» в Нагасаки разразилась сильнейшая эпидемия холеры, в результате которой в городе умерли более семисот человек. Трупы японцев валялись прямо на улицах. Число русских, пострадавших от эпидемии, тоже быстро росло, и на Голландском участке кладбища в Инасе не осталось свободного места. Тогда и было решено открыть новый, русский участок — чуть выше Голландского. Сейчас на нем находится свыше 300 могил, а купол православной часовни виден далеко в море, как маяк.

Густая тень от деревьев ложится на ровные ряды могил. Хотел написать «вековых деревьев», но таких осталось совсем немного. Территория более или менее ухожена. Стрекот цикад и трели птиц напоминают о душах людей, нашедших здесь покой. Бухта видна с сопки, как на ладони. Сразу представил, как век назад русские корабли, покидая бухту, отдавали последний салют Русскому кладбищу. «Надгробные плиты у нижних чинов, — вспоминал Э.Э. Ухтомский, — по внешнему виду мало чем отличаются от офицерских. Памятников почти нет. Только над одним из погребенных положен

изящно задуманный сломанный якорь». Позднее обелиски все-таки появились, а вот якорь куда-то исчез. Я видел только один — на Русском участке в Хакодате. Надгробия «аскольдцев» издали похожи на гробы. Вероятно, отдавая заказ японским мастерам-каменщикам, русские моряки не могли им предложить что-то особое и взяли за основу стилизованную крышку гроба. На кладбище в Хакодате видел такие же, немногим отличаются надгробия и в Иокогаме.

Еще в советское время на этом кладбище побывал известный писатель Даниил Гранин, который оставил потомкам такие строки: «Края нескольких надгробных плит оплыли, что-то странное показалось мне в структуре этих темных камней.

— А где же кресты? — спросил я смотрителя. Бритая голова его склонилась в поклоне. Кресты были разрушены при атомном взрыве. Город лежал далеко внизу, но и сюда достала взрывная волна, она настигла и мертвых. Ни одного креста не осталось на этом старом русском кладбище».

Советский писатель ошибся: разрушительная сила атомного взрыва сюда не докатилась, а кресты могли попасть на переплавку, если, конечно, они не были деревянными. В апреле 1991 г. на забытом кладбище в Инасе побывал первый президент СССР Михаил Горбачев. Именно тогда на русском погосте провели большие ремонтные работы. Правда, кое-где они были выполнены наспех.

У входа на кладбище установлен металлический стенд с планом кладбища «Гравировка на камне могилы на Русском кладбище г. Нагасаки». Все написано по-русски, но видно, что перевод русских имен сделан с японского текста. Эти сведения приблизительно верно

Металлический стенд с планом кладбища

отражают существующее расположение могил. У меня же на руках был машинописный список «Надписи на памятниках Русского военного кладбища в г. Нагасаки», полученный от настоятеля храма Госиндзи во время своего первого визита сюда. Сразу же за стендом в жухлой траве — стоит знойная погода — около двух десятков бетонных надгробий, расположенных более или менее ровными рядами как бы на трех уровнях. Время оставило на них свой отпечаток. На большинстве не разглядеть никаких надписей: они полностью покрыты мхом. Везде печать забвения, правда, кое-где видны следы фейерверков от вчерашнего праздника. Японцы добрались и сюда, напоминая чужеземным покойникам, что и они не забыты.

Переходя от могилы к могиле, пытался сопоставить имеющиеся сведения о захоронениях и сразу же обнаружил, что схема расположения могил на моем листе не совпадает с данными стенда. Я даже присел от неожиданности: в чем дело, каким образом произошла путаница? Не могли же покойники взять и поменяться местами друг с другом. Обвинять в ошибке авторов

списков тоже преждевременно, так как сведения о могилах второго и третьего уровней Русского кладбища оказались абсолютно идентичными.

Хорошо, посчитаем: расположение 18 могил соответствует плану, а 20 захоронений находятся не на своем месте. Кроме того, появилось еще четыре надгробия, которых нет в первоначальном описании. От волнения закружилась голова, но решил отложить разбирательство до лучших времен, а пока осмотреться получше. На втором уровне, где когда-то стояла часовня, в основном находятся офицерские могилы, но есть и гражданские захоронения. На третьем много памятников времен Русско-японской войны. Видно, что некоторые кресты — из бетона и металлические — сделаны недавно. Увидел и несколько памятников, характерных для японцев, — в виде старинных колонн.

Вновь спустился вниз и совсем рядом с парадной калиткой обнаружил каменную глыбу на подставке из двух стилизованных корабельных корпусов. На памятнике выбито: «В память о русских моряках, покоящихся на этом кладбище, начиная с 1858 г. С благодарностью к жителям гор. Нагасаки, сохранившим их могилы. 21 октября 1990 г. Этот памятник сооружен при участии Общества СССР — Япония, Министерства морского флота и Нагасакского комитета поддержки храма Госиндзи».

Я вспомнил, что японцы еще в 1989 г. выступили с инициативой установить памятник русским морякам и даже объявили сбор средств на него. Взяв на себя затраты по сооружению постамента, они предложили советской стороне принять участие в создании верхней части памятника. Этот монумент поставили уже во время выставки «Путешествие-Нагасаки-90». Я очень

Памятник русским морякам в Нагасаки

сожалел, что пропустил это событие. Увы... Пальма и туя, посаженные тогда около памятника, уже широко раскинули ветки.

ДЕНЬ 4-ЫЙ

А была ли татуировка?

Все утро, как и вчерашний вечер, посвятил анализу расположения могил на кладбище. Попытался порыться в необъятном Интернете, но ничего полезного не нашел. Разве что набрел на статью любителя истории из Москвы В.Г. Гузанова, который составил «Список русских воинов-участников Русско-японской войны

Русский ресторан «Волга»

1904—1905 гг., умерших в Японии и захороненных на кладбище в г. Нагасаки». Ничего не остается, как отправиться еще раз в Инасу.

Побродив по улочкам, где когда-то жили русские, стал спускаться к бухте. В руках была копия старой фотографии русского ресторана «Волга» — капитального по японским меркам двухэтажного здания, расположенного на самом берегу бухты и обнесенного со стороны моря камнем. Конечно, нечего было и надеяться, что этот дом сохранился, но хотелось еще раз окунуться в ту давнюю эпоху. И в самом деле, не удалось найти ничего такого, что напоминало бы то старое место. Зато, проходя по широкой насыпной дороге, петлявшей вдоль бухты, заметил другой ресторанчик, такой небольшой, что мы бы назвали его «забегаловкой». В

обеденное время зал был полон. С трудом нашел свободное местечко среди рабочего люда с окрестных предприятий. Вокруг шел обычный для подобных заведений разговор о небывалой жаре, низкой зарплате и каких-то проблемах в семье.

Подошел официант со стандартным вопросом:

— Вы уже готовы дать заказ?

Хотел было похулиганить и заказать борщ с рюмкой «смирновки», но по лицу японца увидел, что он не поймет шутки. Поэтому ограничился блюдом из морепродуктов, которыми издавна славится нагасакская кухня.

Меж тем в голове всплывали исторические факты из серии «Хотите, верьте — хотите, нет». Об этой истории я прочитал в статье на английском языке «Татуировка Мичинага Ей и Николай II». Автором статьи был некий Brian Burke-Gaffney, судя по приложенной биографии, весьма необычный человек. Он писал, что цесаревич Николай был увлечен Востоком и во время визита в Японию старался попробовать все экзотическое, что могла дать ему эта страна. После посещения русского кладбища Николай Александрович обедал в Инасе у одного предпринимателя, который вел давний бизнес с русскими. За столом цесаревича обслуживала Мичинага Ей (Michinaga Ei), немного говорившая по-русски. Будущий император стал расспрашивать девушку, правда ли, что в Японии делают необычно красивые татуировки, о которых он читал в путеводителях. Японская татуировка как нельзя лучше соответствовала его понятиям об экзотическом сувенире, с которым можно было вернуться из путешествия по Дальнему Востоку. Как пишет В. Burke-Gaffney, уже на следующий день на борт флагманского корабля «Память Азова» прибыли два самых искусных нагасакских. Через несколько ча-

Николай II в Японии

сов на плечах Николая красовались разноцветные драконы.

Поздним вечером 2 мая 1891 г. Николай Александрович со своим двоюродным братом и компаньоном греческим принцем Георгом отправился на лодке в Инасу, где их уже поджидала Ей-сан. Она устроила пышный ужин под лампами на роскошной веранде. Затем молодые люди отправились в «Волгу», где ужинали, танцевали и играли в бильярд, а после этого Николай и Георг остались ночевать в доме богатой семьи, проживающей неподалеку. Ссылаясь на нагасакского историка Koga Jujiro, автор пишет, что Ей-сан делила постель с русским наследником престола во время его визита в Нагасаки. Когда 5 мая 1891 г. «Память Азова» покидала порт Нагасаки, грудь Ей-сан украшало брильянтовое кольцо, якобы подаренное ей Николаем.

Позднее эту же историю я прочитал и на русском языке. Автор довольно подробно изложил сведения из книги Э.Э. Ухтомского, но добавил: «Спустившись на берег, Николай катался на рикше, покупал сувениры и даже провел какое-то время у мастера татуировок. Японские мастера считались лучшими в мире — только они владели техникой цветной татуировки. Николай не был первым из членов монарших семей Европы, кто захотел воспользоваться услугами японских мастеров. В 1881 году английские принцы Альберт и Джордж уже сделали себе татуировки в Иокогаме. У японцев такая “неразборчивость” вызвала откровенное удивление — ведь в Японии с помощью татуировок клеймили преступников, ими пользовались только представители низших классов. Но прихоть августейших особ пришлось удовлетворить... На “Память Азова” явились два мастера. Один из них “работал” с Николаем, другой — с его двоюродным братом Георгом Греческим, который сопровождал Николая во время путешествия. Правую руку Николая украсило изображение дракона — с черным телом, желтыми рожками, красным брюхом и зелеными лапами. Несмотря на секретность визита мастеров на корабль, сведения о том, что на руке наследника русского престола теперь красуется дракон, просочились в печать».

В этой публикации также отмечено, что после празднования Пасхи официальная программа пребывания сменилась неофициальной. Вместе с Георгом Николай посетил ресторан «Волга», где хозяйка предложила гостям подняться на второй этаж и развлечься с девушками. Имена этих юных японок известны, но историки до сих пор спорят, какую выбрал каждый из августейших братьев. Николай и Георг вернулись на борт корабля в

четыре часа утра.

У этой истории есть и продолжение, рассказанное уже другим автором. В середине 1920-х гг. высокая женщина примерно 65-ти лет вошла вечером в женское отделение Benten-уи, общественной бани квартала Акебоно в Инасе. Она была одета в накрахмаленное хлопчатобумажное кимоно темной расцветки, а в руках несла небольшую деревянную лоханку с полотенцем и куском мыла. На первый взгляд она походила на

обычную местную старушку, возможно, жену удачливого торговца или отставного школьного учителя. Но небрежно заколотые длинные седые волосы открывали нетронутую возрастом гладкую шею, а манера, с которой она приветствовала владельца бани и выскользнула из своих черных лакированных гета, выдавали в ней женщину, видевшую в жизни гораздо больше, чем кухню, рынок и типичных нагасакских обывателей.

— Вы долго не заглядывали сюда, — вежливо приветствовал ее владелец бани.

— Да, — ответила женщина, наступая на сверкающий чистой соломенный коврик раздевалки. — Я люблю баню, но становится все труднее подниматься потом домой, в гору. Старею...

Последняя фраза была произнесена с такой кокетливой улыбкой, что смысл ее получился прямо противоположным.

— Нет—нет, только не Вы, Мичинага-сан, Вы останетесь всегда молодой!

Раздевшись, женщина аккуратно сложила одежду в плетеную корзинку и поставила ее на полку. Теперь она была совершенно раздета, если не считать повязки в верхней части левой руки. Когда она собиралась зайти в помещение для ванн, оттуда вышла маленькая девочка лет трех. Она показала на повязку и спросила:

— Вы ушиблись?

Мама девчушки тут же зашикала на нее и, извиняясь, поклонилась женщине. Но та только улыбнулась и пошла к ваннам. Когда она скрылась, мама сказала девочке:

— Это О-Ей-сан! Никогда больше ни о чем ее не спрашивай!

В одной эмигрантской статье, увидевшей свет 60—70 лет назад, довелось прочитать о том, что в Токио

блистал на балах один молодой человек с русско-японскими корнями, который представлялся незаконнорожденным сыном одного из великих князей. Правда, автор той давней статьи отмечал, что это было попыткой легкого заработка. Подобных примеров можно немало найти в истории Старого и Нового света. Взять хотя бы скандал с так называемой принцессой Анастасией...

ДЕНЬ 5-ЫЙ

Голландское кладбище и семейный участок Сигов

Начавшийся под утро дождь быстро закончился, и небо постепенно светлело, хотя оттуда нет-нет да капало, и редкие прохожие не спешили закрывать зонты. Я вышел из дома с мыслью пойти в городскую библиотеку, но душа рвалась в Инасу. Ругнув себя за слабость, все же поддался соблазну походить по тем местам, где так недавно звучала русская речь.

Чтобы сэкономить время, сел на автобус, затем быстро прошелся по мосту и уже знакомой каменной лестницей взбежал к храму Госиндзи. На этот раз решил посмотреть старинное Голландское кладбище, о котором В. Крестовский писал: «В этот же раз посетил в Инасе и русское кладбище, расположенное в западном конце селения. Здесь, на одной “Божьей Ниве” соединены участки японский, голландский и русский. Японские могилки содержатся в отменной чистоте и украшаются цветами: почти у каждого памятника вы видите какую-нибудь цветущую ветвь или целый букетик в большом бамбуковом стакане. Памятниками служат лежащие или стоячие плиты; те и другие покрыты иссеченны-

Голландское кладбище в Инасе

ми надписями, а на одном из столбиков заметили мы каменное и очень хорошо сделанное изваяние Будды, погруженного в глубокое созерцательное спокойствие.

На Голландском участке глаз посетителя беспрепятственно скользит по целым рядам и шеренгам однообразных надгробных плит, отличающихся одна от другой разве что своими надписями. Ни крестов, ни цветов, ни памятников здесь не имеется, за исключением одного монументика, поставленного над могилой какого-то англичанина».

Благодаря японскому справочнику я уже знал, что на этом участке имеются и русские могилы: именно отсюда начались русские захоронения. Недаром когда-то моряки прозвали это место «Аскольдовой могилой». Морякам фрегата «Аскольд» не везло: около двадцати человек из его экипажа умерли в Нагасаки, а еще остав-

Русские могилы на Голландском кладбище в Инасе

лены могилы в Хакодате и Симодэ.

Вот и массивная калитка. На замке. Высокая ограда на первый взгляд не давала никого шанса преодолеть ее, но где наша не пропадала. Проявив некоторые альпинистские навыки, вскарабкался на стену, а потом спрыгнул на землю. К счастью, никто не проходил мимо и не заметил явного нарушения японских порядков.

Обычные каменные надгробия поросли высокой травой. Некоторые из них тщательно отреставрированы, но на большинстве надписи различаются с трудом. А вот и могилы моих героев. На первой плите четко видна надпись: «Во имя Отца, Сына и Святого духа аминь. Здесь погребено тело раба божьего Густава Жица, квартирмейстера Российского фрегата «Аскольд» скончавшегося октября 7 дня 1858 г. Жития его было 36 лет». Подобные надписи сделаны и на надгробиях Сидора

Почина, умершего 9 октября 1858 г. в возрасте 26 лет, и Андрея Бородина. Со второй надписью пришлось немало повозиться, пока удалось разобраться в буквах и цифрах. Когда ворохом листьев оттер землю с едва различимых букв, проявилось, что оба «аскольдовца» скончались в один день. У самой стены под каменной плитой покоится Федор Иванов, 31-летний моряк, умерший 20 октября 1858 г. Над могилами раскинулось огромное ветвистое дерево, которое, вероятно, помнит, как проходили похороны русских моряков.

Возможно, где-то поблизости находится могила матроса фрегата «Паллада» Борисова, погибшего в результате несчастного случая. На одной старинной гравюре с изображением этого кладбища виден ряд могил с православными крестами. Значит, можно предположить, что они где-то сохранились. А ведь еще была многомесячная стоянка шлюпа «Надежда», которым командовал И.Ф. Крузенштерн. Или его экипаж не потерял ни одного человека? Эх, перенестись бы сейчас в Санкт-Петербург и порыться в архиве Военно-морского флота!

Чуть выше Голландского кладбища, совсем рядом с русскими захоронениями, обнаружил мавзолей семьи Сига, известной своей помощью русским в Нагасаки. Благодаря этой семье русские моряки несколько десятилетий жили в этих местах. На сей раз нарушать японские законы не пришлось: калитка этого участка оказалась открытой.

Семья Сига была ответвлением клана Otomo Bungo (Oita) и поселилась в Нагасаки после конфискации земель Otomo. Начиная с раннего периода истории Нагасаки, представители этого семейства служили старостами деревень, составлявших город Нагасаки — и так

Табличка перед мавзолеем семьи Сига

на протяжении одиннадцати поколений, начиная с патриарха Shiga Chikanari (? — 1622). Один из представителей семейства сыграл большую роль в установлении связей с русскими в середине 19 века, а его старший сын Тикатомо (Chikamoto) (1842—1916) стал во второй половине XIX в. известным переводчиком русского языка. Он выучил его в Инасе у морского офицера Муханова. После отставки из Министерства иностранных дел Японии около 1877 г. Тикатомо Сига до конца своей жизни жил в Нагасаки. Он принял православие, получив при крещении имя Александр Алексеевич.

Отдав дань признательности японскому переводчику и всему семейству Сига, отправился бродить по Инасе. Какое-то странное чувство овладело мною. Хотя сегодня в Инасе все выглядит совсем не так, как в дни русского прошлого, то тут, то там видны японские ме-

Храм в Инасе. Фото автора

мориальные таблички, напоминающие о былом русском присутствии. Гуляя без всякой цели по окрестным улочкам, старался вспомнить, какими видели эти места русские моряки. Сейчас же вокруг меня лежал обыкновенный городской район, расположенный несколько в стороне от основной части Нагасаки. Его нельзя назвать «спальным районом», так как до центра города рукой подать, тем не менее, чувствуешь, что находишься в стороне от бойкого места. Здесь идет своя неторопливая жизнь. Из лавки ленивым взглядом окидывает тебя продавец, думая, зачем здесь бродит гакуидзин (иностранец). Болтают друг с другом старики, остановившись прямо посередине улицы. В открытые двери домов видна обувь, оставленная у входа, и незатейливая обстановка жилищ. Улочки проложены без всякой системы, одни бегут вверх, другие тянутся вбок, но все они настолько узкие, что два прохожих едва могут ра-

зойтись, не коснувшись друг друга. Для автомобилей проложена специальная дорога, петляющая по горе. Пройдя по ней, наткнулся еще на один храм. Не Камилион ли это, в котором останавливались и русские моряки? Спросить не у кого, так как храм полностью переделывается. Видны мощные стальные балки в его основании: все-таки здесь часто бывают землетрясения.

Приметил несколько мест, где по старым описаниям находились дома терпимости. Конечно, сегодня их занимают вполне добропорядочные жители. То там, то здесь на веревках сушится одежда, но среди нее нет русских офицерских тужурок или бушлатов. Хорошо бы заглянуть в местный антикварный магазин, но вокруг только продуктовые магазины или овощные лавки. Вспоминая прошлое и чувствуя себя путешественником по времени, прошел на то место, где должны были находиться русская верфь и госпиталь. Увы, никаких следов. Несколько буксиров и лодок пришвартованы к берегу небольшого канала, вокруг которого ютятся домишки. Кое-где увидел кузни. Присев на привальную стенку, представил, как здесь когда-то стояли японские лодки-фуне, поджидая русских «капитанов», отправлявшихся на рейд.

Меня же поджидала маленькая неприятность: не выдержали башмаки. Даже хваленый японский клей и тот продержался всего один день. Да и понятно, каждый день наматываю километры по Нагасаки. Конечно, можно пойти в магазин и купить какую-нибудь недорогую обувь, но почему-то хотелось закончить свои полевые исследования в тех же ботинках, в которых ступил на эту землю. Уже поздно вечером, вооружившись ниткой с иглой, представлял себе, как когда здесь также чинил свои башмаки русский моряк.

ДЕНЬ 6-Й

В поисках Русского консульства и его собственности

Сегодня решил отправиться в ту часть города, где когда-то располагались дипломатические представительства. Некоторые здания до сих пор сохранилось. Так, культурным достоянием Нагасаки считается здание Британского консульства, которое действовало до 1941 г. Затем в этом красивом двухэтажном кирпичном доме располагался музей науки, а после 1996 г. он использовался как художественная галерея. Здание охраняется государством.

Первое русское вице-консульство, которое скорее являлось коммерческим представительством, открыл в 1870 г. купец Александр Филиппеус в доме № 17 района Минамиямате, где в основном жили иностранцы. Первым официальным российским консулом стал в 1876 г. А.Е. Оларовский. Русский дипломат поселился в том же районе, в доме № 5, который стал на долгие годы жильем для российских консулов. В 1925 г. советский дипломат Захар Тер-Асатуров переехал из этого района в Оуру, дом № 4. Вероятно, старый дом в Минамиямате принадлежал консульству до 1932 г.

В интернетовских новостях прочитал: «Жители японского города Нагасаки выплатят России компенсацию за отказ от претензий на землю, где до Октябрьской революции 1917 года находилось консульство Российской империи. Соответствующее мировое соглашение было заключено во вторник в окружном суде этого города. В 2000 году российская сторона подала в суд с требованием восстановить права России на владение усадьбой, где с 1875 года по 1917 год размеща-

Здание Британского консульства

Яшков Семен Николаевич

лось консульство дореволюционной России, а затем, как свидетельствуют регистрационные документы, принадлежала Советскому Союзу. Речь идет об участке земли площадью около 1560 квадратных метров. Россия настаивала, чтобы ей были выплачены деньги за его использование, либо чтобы проживающие там люди освободили его. Сегодняшнее соглашение касается чуть более половины оспариваемой земли. Как ожидается, консультации, где будет решена судьба оставшейся части участка, стороны проведут в конце лета этого года».

Красочную открытку с изображением Русского консульства обнаружил в шикарном изданном альбоме старинных открыток, купленном накануне в книжном магазине Нагасаки. Составителем и автором текстов был все тот же В. Burke-Gaffney . Держа в одной руке альбом, а в другой — план местности, стал внимательно

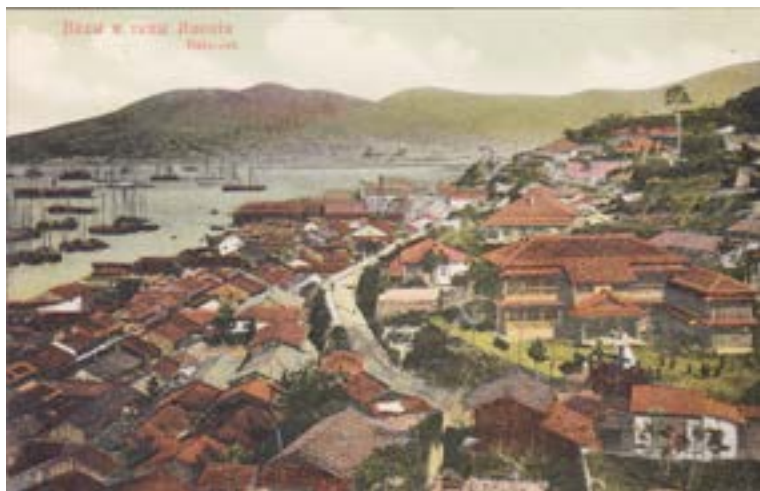
осматривать окрестные дома. Мерил шагами улочку за улочкой, но долгое время не удавалось обнаружить ничего похожего на старую фотографию. И, вот радость, все-таки заметил явное сходство: кусок привальной стены с остатками лестницы. Самого здания, увы, уже нет. Потрогав руками нагретую на солнце каменную стену, почувствовал Время: много лет тому назад сюда приходили мои соотечественники...

ДЕНЬ 7-ПЙ

Кто Вы, Окини-сан?

Это пара привлекла мое внимание сразу же, едва зашел в трамвай. Юноша, немного нескладный, сутуловатый, в очках, как-то по-особому смотрел на свою спутницу. И вновь мне показалось, что этот японец выглядит немного иначе, чем большинство его соотечественников. В его лице неуловимо проглядывали европейские черты. Кроме того, обычно молодые японцы ничем не выдают своих отношений, разве что иногда держатся за руки. Пока я размышлял над разницей обычаев, молодые люди вышли, и я так и не разгадал их секрета.

Перечитывая знаменитый роман Валентина Пикуля «Три возраста Окини-сан», обнаружил несколько примечательных фактов. Герой романа мичман Коковцев встретился в Нагасаки с владельцем ресторана «Россия» Гордеем Ивановичем Пахомовым, который сразу заявил: «А ведь я из порховских, как и вы, сударь! Урожден был в крепостных вашего дядюшки. Состоял при нем камердинером. Когда поплыл он в Японию, и

Открытка с видами Нагасаки

меня прихватил ради услужения. На ту пору как раз выпала реформа для нас. Для невольных, значаща. Это в шестьдесят первом годочке от рождества Христова... Мы в Хакодате плавали, там и присмотрел я кухарку у консула нашего... Агашку! Ее самую. — Пахомов указал на обширное чрево супруги. Пришел к Павлу Семеновичу — и в ноги ему: невеста, мол, на примете имеется, держать меня в прежнем положении не можете, так и отпускайте».

Сразу же вспомнились сведения о первом русском предпринимателе в Хакодате, могилу которого видел на Иностранном кладбище в Иокогаме. Офицер А.А. Корнилов прибыл в Хакодате со своим денщиком, а покидал Японию уже без него: к 1862 г. матрос первой статьи Петр Алексеев отслужил 13 лет и имел право уйти в запас. Несмотря на принадлежность к разным сословиям, офицера связывала с денщиком многолетняя дружба. Слуга был родом из его поместья Ивановское

Открытка с изображением в японском стиле

Тверской губернии. Вместе они отправились служить на Черноморский флот. Оба участвовали в Синопском сражении и получили воинские награды. Вместе на «Джигите» они пришли в Хакодате. После долгих раздумий и обсуждений со своим барином тридцатилетний матрос решил уйти в отставку и начать коммерцию в Японию. Здесь имелись очень большие возможности быстро встать на ноги, тем более что Алексеев уже мог хорошо говорить по-японски. В конце 1863 г. отставной матрос открыл в Хакодате первую русскую гостиницу «Николаевск», а через год, в октябре 1864 г., в Хакодате состоялось первое русское бракосочетание: служанка И.А. Гошкевича Софья Абрамовна вышла замуж за П.А. Алексеева. Церемонию венчания совершил отец Николай.

Несмотря на трудности, коммерция первого русского предпринимателя в Японии понемногу расширялась. Алексеев совершал поездки в Николаевск и Владивос-

ток, объехал все порты, где останавливались русские корабли. Со временем, поняв, что возможности Хакодате уменьшаются, он свернул там дела и вместе с консульством и приходом переехал в столицу Японии, став строительным подрядчиком первых русских зданий в Токио. Увы, прожил Петр Алексеев недолго: сильная простуда быстро подвела итог земной жизни русского самородка. Он скончался 26 октября 1872 г. в Эдо (Токио). После смерти мужа Софья Абрамовна устроилась экономкой при посольской церкви. На нужды прихода вдова передала и часть денег, полученных по наследству. В последние годы жизни С.А. Алексеева приглядывала за детьми российского посланника Струве.

Поразительно, но литератор сумел отметить в своем романе все более или менее значимые исторические факты, включая биографию переводчика А.А. Сига. Герой романа В. Пикуля доблестно тушит пожар в Иокогаме, — действительно, русские моряки не раз проявляли доблесть в схватках с огнем и в Нагасаки. Конечно, всплыла в повествовании и Оя-сан: «Кимоно женщины украшала брошь с бриллиантом из алмазного фонда царствующей династии Романовых. Семь лет назад великий князь Алексей (сын царя Александра II) плавал до Владивостока на фрегате «Светлана»; навестив Нагасаки, он задержался в объятиях Оя-сан, с чего и началась карьера этой мусуме, богатеющей теперь на эксплуатации себе подобных». Здесь Валентин Савич немного передернул факты, так как больше известно о любовной связи с японской девушкой брата великого князя цесаревича Николая. А может быть, и его тоже?

Когда впервые держал в руках роман В. Пикуля, и не подозревал, что когда-нибудь побываю в Нагасаки. Но и писатель никогда здесь не был, а свое увлека-

тельное повествование основывал на многочисленных воспоминаниях тех, кому довелось жить здесь по долгу службы или бывать проездом. Так, из воспоминаний русского консула С.В. Чиркина мы знаем, что однажды в пригороде Нагасаки он встретился с известной среди русских Оня-сан: «У Оня-сан были довольно уютные недорогие комнаты с вкусным столом, и ее гостиница была обычным пунктом для проезжающих в Ундзен из Нагасаки. Оня-сан была примечательной женщиной. Ей было уже немало лет (под 60), но черты лица ее носили следы былой привлекательности, но далеко не красоты, о которой обычно говорила склонная преувеличить публика. Она претендовала на интимную связь с самим генерал-адмиралом и постоянно плакала, что ее сыну, красивому мальчику, не дают учиться товарищи, непрестанно дразня его сомнительным происхождением. В 1922 году, побывав проездом в Корею в Моги с женой, я застал сына Оня-сан взрослым красивым и стройным молодым человеком лет двадцати с лишним» .

Оня — Оя — Окини... Многое в романе очень и очень похоже на правду, не случайно ведь на Русском кладбище в Нагасаки похоронены два адмирала.

Не оставляет меня в покое и случай с внучкой Д.И. Менделеева, который заинтересовал также японского историка . Письма, переведенные А.А. Сигой, свидетельствуют о том, что В.Д. Менделеев, сын знаменитого химика, покинув Японию, все же поддерживал связь с Такой Хидесима, а Д.И. Менделеев ежемесячно отправлял ей известную сумму денег на содержание ребенка. Это уже не «жена по контракту». Дальнейшая судьба девочки и ее матери остается неизвестной. Кроме двух писем и фотографии никаких документов пока не обнаружено. «Ольга, сестра Владимира, — отмечает К. Маса-

Виды и типы Японии.
№ 10. „Молодая японка“.
Изд. В. И. С., Спб.

нори, — написала в своих воспоминаниях, что девочка вместе с матерью погибла во время землетрясения в Токио. Значит ли это, что какая-то связь с Такой осталась и после смерти Владимира? И о каком “землетрясении в Токио” идет речь? О большом землетрясении, случившемся в 1923 г.? Но это маловероятно. Во-первых, я думаю, что связь с Менделеевыми все же прервалась — либо после смерти Владимира, либо во время Русско-японской войны, либо после смерти самого Д.И. Менделеева. Во-вторых, хотя о землетрясении 1923 г. знал весь мир, сомнительно, чтобы весть о смерти простого человека передали из Японии в Россию, тем более, в первые послереволюционные годы. В-третьих, когда Ольга в 1946 г. писала воспоминания (изданы в 1947 г.), ей было уже 78 лет. Поэтому я думаю, что история о гибели Таки с дочерью во время землетрясения на самом деле — ее ничем не подтверждаемая догадка».

Что ж, поистине, любовь не только не имеет границ, но и через сердца влюбленных соединяет страны.

ДЕНЬ 8-ПЙ

Исчезнувший остров Десима

Всякий человек, посещающий Нагасаки, считает своим долгом побывать в голландской усадьбе Дэдзима, этом музее под открытым небом, открытом в память о первых контактах Японии с внешним миром. В 1641 г., спустя два года после изгнания португальцев из страны и провозглашения изоляции Японии, представители голландской Ост-Индской компании получили распоряжение переместить их факторию на искусственный

Отров Дэдзима, Нагасаки

остров, созданный решением сегуната Тогугава в 1635 г. Это место более чем на двести лет стало постоянным местом проживания коммерсантов из Европы. Только после подписания коммерческого трактата в 1858 г. и открытия Нагасаки они смогли покинуть этот остров, ставший частью иностранного селтльмента. Из русской хроники Нагасаки я знал, что однажды русские спасли эту первую в Японии иностранную факторию от пожара, который грозил уничтожить ее полностью.

Сегодня от острова почти ничего не осталось, поскольку в конце 19 века в этой части города начались крупные мелиоративные работы. В 1922 г. японское правительство объявило место бывшей голландской фактории исторической достопримечательностью. Однако дальнейшее выполнение планов городской реконструкции привело к тому, что многие оригинальные голландские постройки оказались разрушенными, а сам остров окончательно утратил первоначальную

Отров Дэдзима, Нагасаки

форму. В октябре 1978 г. городские власти Нагасаки выступили с инициативой начать восстановление Десимы, но прошло еще почти десять лет, пока этот проект начал претворяться в жизнь. Раскопки позволили обнаружить остатки старых фундаментов, а также огромное количество археологических материалов, проливающих свет на жизнь обитателей голландской фактории. Благодаря им в 1995 г. были восстановлены ворота фактории и воздвигнута, хотя и не на прежнем месте, точная копия флагштока Дэдзимы. Первая очередь реконструкции исторического места закончилась к 2000 г., когда отмечалась 400-я годовщина захода первого голландского корабля к Японским островам и установление торговых связей Японии с Голландией.

Для посетителей Дэдзимы открыли помещения главного директора фактории и главного капитана, бывший Интернациональный клуб Нагасаки (построен в 1904 г.), кухню, два каменных склада, морские ворота.

Их восстанавливали по сохранившимся фотографиям и зарисовкам с натуры, ибо никаких других следов этих зданий не осталось. Дальнейшие планы предполагают реконструировать другие строения, а также каменный мост, который в свое время соединял остров с городом. Окончательной датой восстановления Дэдзимы указывается 2010 г., к этому времени планируется воссоздать остров в том виде, какой он имел в начале 19 века.

При продолжении реставрации японцы столкнулись с огромными трудностями. Чтобы окружить Дэдзиму водой, как это было раньше, и придать острову первоначальную форму веера, нужно изменить русло реки Накасима (Nakashima) и перепланировать несколько городских улиц. Все это, естественно, требует много времени и денег, но власти идут на это. В стремлении превратить Нагасаки в город культуры и мира, они понимают историческое значение Дэдзимы.

После осмотра музея направился к берегу бухты. Ряд уютных кафе раскрыли свои двери прямо у моря, рядом с яхтами и прогулочными лодками. Один ресторанчик размещался на старинном голландском паруснике — конечно же, не сохранившемся с тех времен, а построенном в наши дни. Садись с холодным пивом на палубе и любуйся бывшей голландской факторией с видом на бывшую Русскую деревню.

ДЕНЬ 9-ЫЙ

Парк Гловера или «Мадам Баттерфляй»

Одной из самых посещаемых и, надо полагать, при-

носящих немалый доход достопримечательностей Нагасаки является парк Гловера (Glover Garden). Это наглядный пример того, как японцы берегут память о прошлом, и, кроме того, используют малейшую возможность для обустройства исторического места и привлечения туристов.

Имя шотландского торговца Томаса Блейка Гловера (Thomas Blake Glover) символизирует эпоху вклада первых европейцев в развитие Японии. Ему был 21 год, когда в сентябре 1859 г. он прибыл из Шанхая в Нагасаки в качестве агента коммерческой фирмы. Через три года Гловер уже смог создать собственную компанию (Glover & Co.), дела которой быстро пошли в гору. Время было благоприятным: только что закончился длительный период изоляции Японии, и несколько портов открылись для иностранной торговли. За несколько лет коммерсант сколотил состояние, продавая японцам пароходы, оружие и другие товары. Одному кораблю, импортированному Гловером в Японию в 1870 г. из родной Шотландии, 1500-тонному «Руцjo» суждено было стать первым кораблем нового императорского флота в эпоху Мейдзи.

Заслуга Гловера и в том, что он познакомил японцев с новыми европейскими технологиями и способствовал приглашению в Японию британских специалистов в качестве консультантов. С его помощью около Нагасаки был установлен первый в стране судоподъемный эллинг, а также открыта первая современная угольная шахта на острове Такасима. В дальнейшем судостроение и добыча угля сыграли важнейшую роль в модернизации Японии и стали главными отраслями экономики Нагасаки. Именно Гловер проложил первую телефонную линию между иностранным поселением в Нагаса-

Памятник Т.Б. Гловеру

ки и островом Такасима, проложил железнодорожную ветку вдоль нагасакского побережья, нанял инженера из Шотландии для строительства первого японского маяка. Немало содействовал он и тому, чтобы молодые японцы могли учиться в британских университетах.

В 1863 г. на склоне горы в районе Минамиямате плотник Koyama Hidenoshin построил Гловеру прекрасный дом. Он возвышался над бухтой как символ коммерческого преуспеяния и важности иностранной торговли, которая превратила Японию из феодальной страны в сильное государство. Предназначенное для иностранных коммерсантов, но построенное руками

японских мастеров и из японских материалов, здание также символизировало слияние японской и европейской культур, начало новой эпохи глобализации.

В 1870 г. торговая фирма Гловера в Нагасаки обанкротилась, но шотландец остался в Японии и нашел применение своим способностям в развивающейся японской промышленности. До 1877 г. он жил в Нагасаки, а затем переехал в Токио в качестве консультанта компании «Мицубиси». Участвовал он и в организации японской пивоваренной промышленности. Правительство Мейдзи признало его заслуги перед страной и в 1908 г. наградило орденом Восходящего солнца 2-й степени — небывалый случай для того времени! Умер Т. Гловер в 1911 г. и был похоронен в Нагасаки на международном кладбище Sakamoto.

Другой красивый каменный дом, стоящий неподалеку от дома Гловера, принадлежал британскому торговцу Вильяму Альту. Его дом в Минамиямате, 14, строил тот же мастер, что и Гловеру, но на этот раз он воплотил в жизнь идею заказчика о совмещении в постройке западного и японского стилей. Парк Гловера знаменит еще одним зданием, известным как «Дом Чио-чио-сан» (Madame Butterfly House). Все экспонаты в нем рассказывают об одноименной опере Д. Пуччини и японских исполнителях главных партий, хотя дом никаким образом не связан ни с театром, ни с событиями, о которых идет речь в опере. Единственной параллелью является любовная история самого Гловера, которая в отличие от оперного либретто вовсе не была трагичной. Жена коммерсанта Цуру, как и Чио-чио-сан, вошла в его дом неофициально, но позднее супружеские отношения были узаконены. Они и похоронены рядом.

В общем-то, сюжет о Чио-чио-сан повторялся и не

раз. Существует еще повесть французского писателя Пьера Лоти (Pierre Loti — псевдоним; настоящее имя — Louis Marie Julien Viaud, 1850—1923) «Мадам Хризантема» («Madame Chrysantheme»), написанная в 1887 г. Лоти попал в Японию в 1885 г. капитан-лейтенантом на корабле «La Triomphante» французского флота и пробыл в Нагасаки два месяца, с июля по сентябрь. В основу сюжета книги легла история его совместной жизни с женой-японкой О-канэ. В книге она выведена под именем О-кику-сан, что буквально означает «мадам Хризантема».

Музейный комплекс «Парк Гловера» открыли в Нагасаки в 1974 г. Преследовалась цель сохранить здания европейского стиля, построенные в эпоху Мейдзи, а вместе с тем и память о первых контактах японцев с европейцами, обратив все это на пользу городской казне. К дому Гловера добавили еще несколько домов западного стиля, которые стояли пустыми в разных частях города и были бы снесены в ходе выполнения проектов по застройки Нагасаки. Их демонтировали и перевез-

ли в парк Гловера. Все они были объявлены «важными культурными ценностями».

Прекрасный сад, захватывающий вид на бухту, экзотическое прошлое этого места привлекают в парк Гловера множество туристов. По их числу, кстати, судят об успешности всей туристической отрасли Нагасаки. Статистика говорит, что наибольшее число посетителей отмечалось в 1990 г., когда работала выставка «Путешествие-90», обычно же парк ежегодно посещает примерно 1 млн 750 тыс. человек, в основном в летнее время. Аналитики считают, что эта достопримечательность постепенно изживает себя, так как в парке не придумано ничего, что могло бы привлечь молодое поколение японцев, и над этой проблемой сейчас работают.

ДЕНЬ 10-ЫЙ

На «аскольдовских» могилах или в роли экскурсовода

Лучи солнца, скользнув по близлежащим крышам, заглянули в мое окно рано утром. Отличный день для полевых исследований! Вновь решил отправиться на русский погост: не терпелось проверить догадку о том, что несоответствие старого плана и выгравированной надписи связано с тем, что последняя взята из позднего японского справочника.

Вприпрыжку спустился со своей горы, за несколько минут пересек город и мост по пути в Инасу. Вновь перелез через запертую калитку, благо, рядом с ней из стены вывалилось несколько кирпичей. Еще вчера тщательно, до боли в глазах, изучил оба описания Русского

Старый или Аскольдовский участок Русского кладбища. Фото автора

кладбища, поделив его условно на три уровня: Старый или Аскольдовский, Офицерский и периода Русско-японской войны или Эмигрантский.

Действительно, выгравированная надпись целиком взята из японской книги, ксерокс которой у меня в руках. Теперь надо выяснить, почему это произошло. Сравнивая со старинным планом, вижу, что у «аскольдовцев» было четыре ряда могил, а стало пять. Могилы в последних рядах вообще расположены не в том порядке, что указан в довоенном списке. Даже голова закружилась от этой неразберихи!

Только разложил бумаги, как за изгородью мелькнули две молодые фигуры. По всему видно, проявляют большой интерес к кладбищу, но заходить не рискуют. Тем не менее, стали принаравливать к фотосъемке.

— Откуда вы? И почему не заходите? — спросил их вначале по-японски, а затем, заметив европейское лицо юноши, по-английски.

Оказалось, что можно было обойтись родным языком. Гриша — москвич, изучает японский язык, он вы-

сокий и немного нескладный, а Морики — изящная японка, можно сказать, куколка, будущий лингвист. Оба из Киото, а на каникулах решили посетить Нагасаки. Судя по взглядам, которыми то и дело обмениваются, влюбленные.

— Вначале мы поехали в город Мацуяма на термальные источники Дого, — перебивая друг друга, рассказывали студенты. — Узнали, что во время Русско-японской войны там находилось около шести тысяч военнопленных. Нам посоветовали зайти на местное кладбище, где обнаружили 98 могил! Знаете, японцы разместили могильные каменные столбики так, чтобы они смотрели на север, где находится Россия. Мы посчитали, что это знак свыше, и решили побывать и в Нагасаки. А за ограду кладбища не зашли, потому что прочитали надпись на калитке: без сопровождения просят этого не делать!

Вот что значит быть грамотным и законопослушным. Что ж, это обычное дело в Японии — следовать установленным правилам. Но через несколько минут Гриша и Морики были уже по мою сторону ограды, и мы оживленно делились впечатлениями. Мои собеседники обрадовались, узнав, что занимаюсь историей этого погоста, и засыпали вопросами. Невольно пришлось стать экскурсоводом. Свой рассказ начал с первого уровня, на котором нашли последний причал «аскольдовцы».

— Посмотрите, это самая старинная часть Русского кладбища. Здесь примерно 22 могилы. А сюда, как мне кажется, упал мощный снаряд.

— Может, это следы атомного взрыва?

— Не думаю, что повреждения на этом кладбище возникли от атомного взрыва. Представьте, как далеко

Памятник на могиле Н. Силуянова. Фото автора

отсюда до эпицентра, да еще и рельеф местности нужно учитывать. Но нельзя забывать, что помимо атомной здесь были и обычные бомбежки, которые причинили немало разрушений. Вот этот памятник слесарю Селиверстову перенесли сюда с противоположной стороны, на нем сохранилась только часть надписи: «Умер 17 сентября 1901 г.». А здесь виден четкий след от осколка бомбы. Это надгробие кочегара парохода «Шилка» Василия Смирнова: почти половина фамилии сбита, и трудно разобрать дату смерти — 17 января 1903 г. Зато бетонный крест хорош — заметно, что его установили много лет спустя, как и большинство крестов на этом кладбище. Видите, они сделаны по трафарету и стоят рядком!

Некоторые надгробные плиты «аскольдовцев» сохранились в отличном состоянии, и все надписи лег-

ко читались. В других случаях в ходе ремонта надписи оказались заштукатуренными, и на могиле остались просто идеально ровные надгробные плиты.

— Ой, — совсем по-русски вскрикнула Морики, — как четко видна эта надпись: «Во имя Отца и Сына и Святого духа Аминь. Здесь погребено тело раба Божия Назара Силуянова. Мастерового 5-го рабочего экипажа с российского корвета «Посадник». Скончавшегося 29-го июля 1860 года на 45 году от рождения». Надо же, а ведь прошло уже почти 150 лет!

Девушка с грустью продекламировала по-японски:

Как завидна их судьба!
К северу от суетного мира
Вишни зацвели в горах.
(Пер. В. Марковой)

— Опять твой любимый Басё, — заметил ее спутник. Морики скромно опустила глаза, а я продолжил тему.
— Он и у нас во Владивостоке очень популярен. Даже местные переводчики его стихов есть.

И я вспомнил строки из перевода Татьяны Бреставец:

Меркнут лучи на цветах.
Наступит ли «завтра» для них?
Ответь, кипарис одинокий...

Заодно рассказал ребятам историю «Посадника», командир которого хотел захватить остров Цусима. Вместе мы переходили от могилы к могиле, разбирая надписи на плитах.

— Посмотрите, как хорошо сохранилось надгробие отставного коллежского регистратора Филиппа Кот-

лярского, скончавшегося 9 июня 1902 г. Как вы думаете, он приезжал сюда по делам или на лечение? А вот еще: «Здесь погребено тело губернского секретаря Димитрия Ивановича Волосевич. Скончался 31 марта 1899 года на 29 году своей жизни».

— Он был старше меня всего на шесть лет! — воскликнула Морико. — И смотрите, что приписано: «От горячо любящей жены и друга». — На этих словах Морико прижалась к Грише. — Представляю, какая была трагедия для нее!

Порой разобраться в надписях очень трудно: сырой морской воздух делает свое дело. Тем не менее, слова на надгробии кочегара парохода «Аргунь» Франца Петерсона (умер 1 ноября 1902 г.) выглядят довольно отчетливо.

Так же хорошо сохранился памятник машинисту броненосца «Пересвет» Феодору Домашеву, ушедшему из жизни 31 июля 1902 г. Кстати, хорошо видно, что металлические православные кресты на многих памятниках сделаны не очень давно и похожи друг на друга.

А вот на могиле 37-летнего машиниста крейсера «Владимир Мономах» Игнатия Шаврина (умер 28 марта 1890) надгробного креста нет. Почему, интересно?

Во время Боксерского восстания в Китае в Нагасаки разместился полевой госпиталь. Отличным и храбрым служакой был 31-летний вахмистр Митрофан Пацан, кавалер двух орденов Георгия. Он скончался от ран 9-го апреля 1901 г. Обелиск поставили его однополчане-казаки. Памятник получил повреждения от взрыва, и его перенесли на другое место, но и здесь он со временем повалился на землю. Зато надгробие матроса броненосца «Полтава» Тимофея Муравьева, скончавшегося 8 декабря 1902 г., выглядит очень хорошо, и надпись легко

Памятник на могиле Ф. Петерсона

Памятник на могиле И. Шаврина

читается, хотя выцарапана на простом бетоне.

На две части распался памятник на могиле 25-летнего матроса клипера «Изумруд» Иона Рогозина (умер 26 августа 1872 г.). Рядом с ним обелиск 30-летнего стрелка-командора мореходной лодки «Отважный» Дмитрия Абрамова, умершего 17 марта 1893 г. Могила моряков легендарных кораблей «Витязь» и «Гридень»... А сколько здесь похоронено «аскольдовцев»!

Остановившись у могилы поляка Болеслава Флоринского (Boleslaw Florenski), скончавшегося 10 мая 1903 г., обнаружил, что в моем списке захоронений этого имени нет. Да и сведений о нем тоже пока не найдено. В то время в Японии находилось немало польских революционеров, возможно, он был одним из них.

— Может, его перенесли сюда с другого кладбища? — высказал предположение Гриша.

Что ж, и это возможно. В хорошем состоянии памятник 38-летней Марии Ивановны Троицкой, умершей 1 июля 1898 г. На нем даже сохранился крест, но вделанная в него иконка пропала.

— А кто здесь лежит? — спросила Морико, показывая на высокий фундамент с площадкой, на котором

Памятник на могиле Н. Владыкина

Памятник на могиле А. Штукуна

стоят четыре четырехугольные колонны из дикого тесаного камня, увенчанные круглой каменной шляпой с нашлепкой. — Никакой таблички нет. Как же узнать?

Я заглянул в свой список: это оказалась одна из немногих, если не единственная офицерская могила на этом участке. Подпоручик корпуса инженер-механиков Николай Владыкин служил на шхуне «Ермак» и скончался 6 апреля 1877 г. на 29-м году жизни. На задней стенке памятника какой-то доброхот наклеил вместо надписи бумажную иконку.

В Нагасаки часто останавливались пароходы Добровольного флота. Порой члены экипажей находили последний приют на этом берегу. К примеру, 28 января 1910 г. скончался матрос Арсентий Штукун. На его обелиске сохранилась четкая надпись «От товарищеслуживцев пароходов Добровольного флота “Орел” и “Киев”». Видимо, в день похорон в Нагасаки стояли оба этих судна. Часто бывало, что по подписке деньги на похороны собирали со всех русских кораблей, находившихся в бухте.

На Русском кладбище хоронили и иноверцев. Так, здесь есть могила 27-летнего матроса крейсера «Память Азова» Омзеле Мауголея, скончавшегося 21 декабря 1899 г. На его памятнике надпись на двух языках: русском и арабском.

Во время экскурсии Гриша и Морико ходили за мной, держась за руки, и зачарованно слушали объяснения. Напоследок мы присели на ступеньки первого уровня и оглядели уютное кладбище. Столетний дуб выдержал испытание времени, хотя наполовину сгнил, а может, и его разломил надвое какой-нибудь снаряд?

— Встретимся еще?

— Конечно...

Молодежь помчалась смотреть другие достопримечательности Нагасаки, а я задержался на кладбище в раздумьях о бренности всего сущего.

ДЕНЬ 11-ЫЙ

Синтоистский храм Сува, или что видел Всеволод Крестовский

Увы, в Нагасаки нет православного храма, и негде поставить в свечку за упокой душ соотечественник. Зато есть знаменитый храм Сува (Suwa Jinja), который, как считается, должен обязательно посетить каждый, кто приезжает в Нагасаки. Видели его и цесаревич Николай, и все русские, бывавшие в этом городе. Храм располагается неподалеку от моего пристанища, на склоне соседней сопки, и двадцати минут оказалось достаточно, чтобы добраться туда пешком.

Портъ. Нагасаки. — Port Nagasaki. № 13.

Возникновение большинства японских храмов связано с мифическими поверьями, историческими событиями либо легендами о божественном происхождении места или божественных качествах кого-то. Но случай с храмом Сува особый. Он возник как противодействие христианству и, в отличие от других японских храмов, получал прямую поддержку правительства в 1634—1685 гг. Дело в том, что до 1614 г. Нагасаки считался сугубо христианским городом. Огромная католическая паства образовалась здесь усилиями португальских монахов, с 1571 г. проводивших религиозные проповеди. Они были весьма успешными, так как поверившим в Христа японским аристократам, воинам и купцам товары, привезенные из Европы, продавали с определенной скидкой. Среди этих товаров было и огнестрельное оружие, способное изменить силовой баланс в стране в пользу принявших христианство феодальных кланов. Христианство в Нагасаки процветало, пока военные правители Японии того времени, сёгуны династии Токугава, не

взяли под свой контроль импорт оружия и не изгнали из страны католических проповедников. После этого они ополчились и против всей христианской паствы, сконцентрировавшейся на западе страны, вокруг Нагасаки. При этом в ход шли как методы силового принуждения, так и более тонкая пропаганда возвращения к древним ценностям национальной религии синто и укоренившегося на островах буддизма.

Жителям Нагасаки не оставалось ничего другого, как принять новый храм и его деятельность. С годами времена христианства стерлись из памяти горожан, и храм стал местом совершения привычных церемоний, связанных с рождением детей, вступлением в определенный возраст, изгнанием злого духа и другими синтоистскими традициями. Не считая нескольких сильных наводнений, разрушительных тайфунов, эпидемий, а особенно пожара 1856 г., уничтожившего большую часть имущества храма Сува, жизнь его протекала мирно и гладко в течение всего периода Токугава. Священникам храма удавалось — то с большим, то с меньшим успехом — держать местных жителей поодаль от иностранцев. Если же эта цель по каким-то причинам не могла быть достигнута, совершались сеппуку, как случилось в 1808 году, когда британский корабль «Фаэтон», зашедший в гавань, стал угрожать огнем, если его не снабдят провизией.

Писатель Всеволод Крестовский оставил такое описание храма: «Лестница, ведущая в Сува — одно из древнейших и самых монументальных сооружений Нагасаки. Она вся сложена из правильно обтесанных гранитных брусьев и окаймлена по бокам гранитным же бордюром, имеющим как в основании, так и в вершине одинаковую ширину в десять аршин. Внизу, как

Храм Сува в Нагасаки. Фото автора

раз перед первой ступенью, высится массивное гранитное тори на двух круглых колоннах в восемь аршин шириной; ширина прохода между колоннами четыре аршина, а длина верхней перекладины из цельного камня более десяти аршин. Отсюда вы видите в перспективе еще несколько подобных же гранитных тори, украшающих собой каждую площадку высокой, но отлогой лестницы, где по бокам их стоят массивные оригинальной формы фонари, высеченные из камня и украшенные на пьедесталах древними надписями. Поднимаясь по лестнице, вы не видите, куда ведут вас эти японские пропилеи, так как самый храм где-то наверху, совершенно скрыт в кудрявой зеленой чаще могучей растительности. По обеим сторонам лестницы и ее площадок ютятся разные деревянные домики, часовни, божнички и лавочки, построенные на массивных парапетах и тер-

расах, сложенных из дикого камня, покрытого мелкими ползучими растениями. На этих отдельных небольших террасах, расположенных без всякой симметрии, но очень красиво, одна выше, другая ниже, третья как-то вбок или углом, и соединяющихся там и сям каменными лесенками, вы замечаете отдельные дворики, садики, цветники с журчащим каскадиком и небольшие кладбища с изящными каменными памятниками, под сенью полого распростертых над ними широковетвистых изогнутых сосен. А главного храма все еще не видать из-за зелени громадных деревьев, в которой как будто теряется и самая лестница. Эти великаны-деревья: сосны, кедры, криптомерии и камелии, из коих каждому насчитывают не менее как по триста, а то и свыше семисот лет, составляют неизменное и лучшее украшение всех здешних храмов.

Но вот пред нами еще одна последняя лестница в 86 или около того отлогих ступеней и, наконец, мы на верхней площадке. По краям ее, примыкая с обеих сторон к лестнице, тянутся длинные каменные перила на прямых четырехсторонних столбиках, а над перилами — деревянные решетчатые галереи на колоннах. Прямо пред нами раскрывает сень своего широкого навеса узорчато резной деревянный фронто́н главных ворот храма, весь раззолоченный и расписанный по резьбе ярью, киноварью, лазурью и прочими красками. За этими вратами находится передний двор, посреди коего видна древняя бронзовая статуя священного коня в натуральную величину, того знаменитого белого коня альбиноса, на котором, по преданию, были привезены в Киото свитки “доброего” всеблагоего Будды.

Мы зашли сначала посмотреть окружающие этот двор наружные галереи. Здесь, в особых рамах, встав-

лены ряды деревянных дощечек, длинной дюймов до десяти и около двух в вершину; на каждой из них записано имя кого-либо из жертвователей в пользу храма. Дощечек этих здесь, кажись, десятки, если не сотни тысяч, что далеко не свидетельствует о религиозном индифферентизме японцев, в котором хотят уверить нас некоторые из европейских писателей. И не надо также думать, будто побуждением к пожертвованию служит тщеславие: на этих простых тесаных дощечках, безо всяких красок, лаков и орнаментаций, пишется только личное имя жертвователя (будь то мужчина или женщина), но ни титулов, ни цифры пожертвованной суммы не выставляется. Один дает тысячу долларов, другой несколько медных грошей, но имена их стоят рядом по порядку поступления пожертвования. Тут же по стенам весят изображения некоторых полумифиче-

ских героев, прославившихся преимущественно своим патриотизмом, а также картины, представляющие торжественные процессии и разные эпизоды большого празднования, которое ежегодно совершается всем народом в честь Сува. Далее идут изображения мореходных фуне (род джонок) и некоторых девиц-геек, в качестве артисток угодных божеству своим пением и игрой на разных инструментах. Что же до фуне, то изображения их приносятся в Сува теми из судовладельцев и мореходов, которые, отправляясь в плавание, поручают свои суда покровительству Бентен, богини моря. Один благочестивый человек пожертвовал зачем-то даже пару оленьих рогов, так что, если бы тут применялись современные европейские понятия, то можно было бы подумать, что это жертва радости по случаю смерти су-пруги; но рога в Японии, как и на всем Востоке, являют-

ся символом силы и могущества; поэтому нередко мы их встречаем на старых шлемах здешних самураев.

Тут же в правой галерее можно найти и оригинальное целительное средство от зубной боли. Мы были очень удивлены, увидев большой деревянный щит, исписанный в разных местах какими-то благочестивыми изречениями и молитвами и усеянный небольшими картонажными барабанчиками в дюйм вышиной и дюйма два в диаметре. Каждый такой барабанчик оклеен с боков золотой бумагой и дном своим прикреплен к деревянному щиту над молитвой или под нею; верхний кружок его плотно обтянут белой тонкой бумагой, а внутри заключен талисман, — бумажка, исписанная какими-то таинственными словами. Самое курьезное здесь то, что весь щит носит на себе бесчисленные следы плевков жеваной бумагой, которая, пристав к доске, на ней и засыхает. Помните в наши школьные годы известную игру “в жвачку”, когда школяры, изжевав во рту клочок бумажки, пока он не обратится в мягкую массу, старались попадать этой жвачкой посредством плевка в черную классную доску? То же самое и тут, только школяры игравали бывало в жвачку (а может быть и теперь играют) на стальное перо, на карандаш или на булку, а здесь — магическое средство против зубной боли. Страдающий зубами приходит в храм и покупает у дежурного бонзы свернутую бумажку, на которой написана какая-то заклинательная молитва. Подойдя с этой бумажкой к деревянному щиту, но отнюдь не развертывая ее, чтобы, Боже сохрани, не прочесть, что там написано, страдалец отрывает от нее кусочек и начинает жевать его, читая в то же время по порядку начертанные на щите молитвы. Вот он трижды прочел первую; клочок во рту к этому времени уже из-

жеван, остается только нацелиться в барабанчик, приклеенный над первой молитвой, и ловко плюнуть в него жвачкой. Если удалось попасть прямо в цель и пробить верхнюю бумажную шкурку барабанчика, зубная боль проходит; а не удалось, надо отрывать новый клочок от магической бумажки и, пережевывая его, трижды читать следующую молитву и затем целиться в следующий барабанчик; не удалось — начинай с третьей и так далее, пока не удастся. Но действительно ли такое средство, надо спросить у бонз, которые клятвенно уверяют в несомненности.

Из правой галереи прошли мы во двор посмотреть на бронзового коня, по обе стороны коего, отступая на приличное расстояние, красуется пара громадных каменных фонарей на высоких пьедесталах. Тут же посредине двора, за конем, стоит громадная бронзовая ваза очень древней и превосходной чеканной работы, где по праздникам возжигаются жертвенные курения. Осмо-

трех все эти достопримечательности, мы направились к широким каменным ступеням, ведущим к главному храму, представляющему собой подобие деревянной хижины, приподнятой на деревянном помосте метра на два над землей и окруженной со всех сторон открытой верандой, куда ведет несколько деревянных ступенек. Помост, служащий для храма основанием, составлен из целой системы балок, которые, в общем, придают ему весьма красивый сквозной рисунок. Особенно же оригинальную, строго условную форму носит соломенная крыша этого храма-хижины, сравнительно очень высокая и лежащая на приподнятых вкось выступах потолочных балок, так что покрывает собою всю веранду; она отличается еще тем, что верхние концы ее стропил выходят из-за гребня наружу и торчат в воздухе симметрическими желобковыми развилками в виде римской цифры V или словно ряд ижиц, поставленных вдоль гребня по одному небольшому бревнышку, равномерно обточенному с обоих концов вроде веретена» .

Вот такое подробное описание оставлено нам первыми русскими посетителями храма Сува. Прочитано же оно здесь без каких-либо сокращений для того, чтобы современный турист мог представить, какие изменения произошли в храме с того времени. Изменился он, кстати, весьма незначительно. Японцы считают примечательным, что во время атомного взрыва храм Сува практически не пострадал, тогда как знаменитый собор Ураками и соседствующие с ним строения католиков оказались в самом центре разрушений. Не иначе, как храм оказался под защитой божественных сил.

В послевоенное время любовь нагасакцев к храму Сува еще больше укрепилась. Он оставался островком красоты и уюта в разрушенном городе, и люди прихо-

дили сюда, чтобы почерпнуть силы, найти защиту от горя и страданий, попросить благословения на новые дела. Значение храма Сува не утрачено и по сей день. Как выразился один из его священников, «это основа, на которой будут строить жизнь будущие поколения».

ДЕНЬ 12-ЫЙ

Что я искал в антикварном магазине?

Несмотря на бесчисленное количество пожаров и страшные бомбежки времен Второй мировой войны, в Японии сохранилось немало старинных вещей. Особенно это бросается в глаза при посещении «блошинных рынков», которые время от времени (довольно часто) проводятся вблизи японских храмов. Чего там только ни увидишь: от старых утюгов и замков до уникальных произведений искусства. Признаюсь, при любой возможности старался окунуться в этот притягательный мир старых вещей и найти что-то такое, что могло принадлежать русским эмигрантам. С этой же целью заглядывал и в антикварные лавки: в них сохраняется запах старой Японии, которого не почувствуешь в современных вещах.

Не могу удержаться, чтобы не привести еще один отрывок из воспоминаний В. Крестовского, описавшего посещение одной из таких лавок: «Мы скинули у порога обувь и взобрались на циновки приподнятого пола, где в первой же комнате глаза мои разбежались пред целой выставкой японского искусства. Тут были и лаки, и бронзы, и фарфор, и костяные миниатюры, и разное оружие, как, например, панцири и шлемы, ко-

пья и стрелы, сабли благородных самураев, ножи-гаракири (для вспарывания себе брюха), и ножи-бердаши, насаженные на инкрустированные древки. Я купил для своей коллекции полное рыцарское вооружение за 45 бумажных иен, то есть почти что даром. Антикварий, вздыхая, жаловался нам, что цены на старинное оружие вообще очень упали с тех пор, как правительство преобразовало армию на европейский лад и запретило всем самураям носить по две сабли; со стороны европейцев спрос на вещи этого рода ничтожен» .

Сейчас требуется специальное разрешение, чтобы вывезти за пределы Японии какой-нибудь самурайский меч, да нет уже в японских магазинах и в помине таких редкостей. Японцы сами ищут по всему миру свои мечи, чтобы выкупить их и вернуть на родину. Маленькое помещение антикварных магазинов в основном бывает заполнено старыми шкафчиками, посудой,

изображением Будд и попросту всяким хламом. В них нынче никто не разувается.

Кстати, много старинных японских вещей сохранилось в российских хранилищах. Во время подготовки к выставке 1989 г. я много раз сталкивался с ними. Увы, только тогда довелось увидеть знаменитые изделия из черепахового панциря, которые любили покупать русские туристы в Нагасаки. Рассказы о них можно найти почти в каждой книге воспоминаний. «Мастерская Гейшо, — читаем в одной из них, — состоит всего из четырех небольших комнат, где работают десять — пятнадцать, иногда до двадцати человек, смотря по количеству и спешности заказов. Инструменты все ручные и крайне незамысловатые. Пила, резец, сверло, скобель, жаровня, точило, каменная плита и порошки для шлифовки, несколько стампов — вот и все. По обстановке никак нельзя заключить, что отсюда выходят роскошные, подчас удивительно прелестные вещи. Перешли в магазин. Гейшо показал мне мало-помалу весь свой товар, назначая ужасные цены; наконец, перешел к альбомам, где красовались фотографические карточки множества его покупателей, в том числе многих русских моряков. Пересмотром альбомов мы заключили обзор владений Гейшо и стали прощаться с хозяевами. Выходя из магазина, я почувствовал себя облегченным на довольно таки круглую сумму мексиканских долларов, взамен которых на дженерике появился легонький ящик черепаховых безделушек».

В Нагасаки славилась мастерская Эмиро Эзаки, берущая своё начало с 1706 г. Она специализировалась на выпуске изделий из экзотического материала, каким являлся и черепаховый панцирь: женских гребней, табакерок, брошей и других бытовых вещиц. Заметив

интерес русских моряков к своей работе, она наладила производство моделей российских кораблей, в основном по заказу офицеров. Вот как описывает один из заходов в Нагасаки капитан Д.А. Лухманов: «Нельзя обойти молчанием и знаменитого «черепаховых дел мастера» Езаки. Его мастерская действительно артистически выделявала из черепаховой кости самые разнообразные вещи: и модели, и силуэты кораблей, и всевозможные предметы роскоши. Модели кораблей выполнялись в точном масштабе и с изумительной тщательностью. От мастера не ускользала ни одна мелочь, даже снасти делались из тончайших черепаховых нитей. Это стоило дорого. Модели кораблей заказывались для подношений высокопоставленным лицам, и они являлись, бесспорно, музейными вещами. Но черепаховые портсигары с миниатюрными силуэтами кораблей продавались по вполне доступным ценам. Было в большой моде у моряков иметь портсигар с силуэтом своего корабля, и Езаки на них специализировался. Однако для выполнения заказанной модели или силуэта было необходимо получить чертеж корабля или его замерить и зарисовать различные детали. Для последней цели «подмастерья» Езаки постоянно околачивались на кораблях русской Тихоокеанской эскадры с рулетками, масштабными линеечками и рисовальными принадлежностями. Езаки почти исключительно работал на русских моряков и широко их кредитовал» .

Будущий царь Николай Александрович (Романов) во время пребывания в Японии заказал фирме Эмиро Эзаки изготовить из черепахового панциря модели всех кораблей, участвовавших в этом походе — в знак благодарности их экипажам за перенесенные трудности. Всего было сделано двадцать моделей кораблей

Российского императорского флота и три национальных японских судна. В 1897 г. император Николай II передал тринадцать моделей в Морской музей, где они хранятся по сей день. Другие изделия японских мастеров оказались в частных коллекциях. На выставке в Нагасаки Центральный военно-морской музей представил четыре модели: кораблей «Память Азова», «Адмирал Нахимов», «Кореец» и «Бобр».

ДЕНЬ 13-ЫЙ

Международное кладбище Сакамото или могила Демби

Едва протерев глаза, уселся за компьютер. Перед очередным походом решил еще раз заглянуть в один из краеведческих сайтов Нагасаки, а также в электронный журнал «Перекресток». Еще раньше встречал там информацию о том, что в Нагасаки похоронены в семейном склепе некоторые члены семьи Демби, чей дом до сих пор стоит в центре Владивостока. А вдруг склеп сохранился? В списке могил Русского кладбища в Госиндзи никакого упоминания о нем не нашел: на этом кладбище хоронили в основном военных. Что, если заглянуть на Международное кладбище Сакамото?

Сбежав со своей горы по ставшим привычными крутым тропинкам, сразу попал на остановку трамвая № 3, который покатиł меня по Нагасаки. С виду трамвайчик выглядел постарше своего владивостокского собрата, но в нем был кондиционер, что очень важно в жару — электронный уличный термометр устойчиво показы-

вал цифру 35! Выйдя на остановке Мори-мачи, немного поднялся по горке, стараясь увернуться от автомашин. Тротуары в Японии проложены только вдоль крупных центральных улиц, на остальных же приходится довольствоваться обочиной. Правда, японские водители весьма вежливы и старательно объезжают пешеходов. Заметил даже, что они тормозят перед каким-нибудь смельчаком, спешащим перебежать дорогу на красный цвет, — такими нарушителями, кстати, в основном бывают иностранцы.

Без проблем нашел кладбище Сакамото: в городе повсеместно развешены таблички с указанием достопримечательностей и расстоянием до них. Как обычно, оно оказалось тщательно ухоженным. Правда, в отличие от японских кладбищ, на это почти не заходят родственники погребенных. Дорога делит погост на две части. По правую сторону от входа установлен большой стенд,

рассказывающий об истории кладбища. Оно появилось в районе Urakami Yamazato (совр. Sakamoto-machi) сразу же после закрытия в 1888 г. Первого международного кладбища в Оуре. Здесь хоронили иностранцев вплоть до окончания Второй мировой войны. Сегодня на кладбище Сакамото находится около 440 могил, принадлежащих людям 16 национальностей. У самого входа находится усыпанная цветами могила доктора Нагаи Такаси (Nagai Takashi), доцента Нагасакского медицинского колледжа. Сразу после атомного взрыва в 1945 г. он бросился спасти людей. Из-за облучения врач прожил недолго и скончался в 1951 г. в возрасте 44 года. Отсюда до эпицентра подать рукой, не больше пары километров, и многие надгробия пострадали от взрыва.

На воротах справа надпись на идиш: «Bet Olam» (Вечный Дом). Здесь располагается Еврейский участок с тремя десятками старых надгробий. Еврейская община в Нагасаки была одна из самых больших. Надельские, Фельдманы... В основном уроженцы западных губерний Российской империи. За этим участком идут могилы англичан, ирландцев, американцев. Последних больше всего, на их могилах странные лаконичные надписи: USA и номер. Вероятно, первоначальные надгробия были разрушены во время Тихоокеанской войны. Вполне возможно и другое: могилы принадлежат солдатам Американских оккупационных войск. На Французском участке нашли последнее пристанище французские солдаты, погибшие в Китае во время Боксерского восстания 1900 г. Я увидел, что совсем недавно кто-то старательно подчистил надписи, чтобы видны были фамилии. Время, а еще больше климат безжалостны к ним.

Немного огорченный отсутствием русских могил, направился к выходу и тут же наткнулся на относительно новую плиту со свежими цветами и надписью по-русски: «Христина Ричардовна Щербинина. 24. 12. 1878 — 23. 9.1966. Мир праху твоему». Сразу видно, что эту женщину, которая была замужем за русским, в последний путь провожали русские эмигранты. Рядом — могила ее отца Ричарда А. Форда, умершего 75-летним 1 апреля 1903 г. Оглянувшись, послал мысленно привет всем лежащим здесь.

Перейдя через дорогу, попал на вторую половину кладбища, где меня встретил запах свежескошенной травы — здесь неспешно трудился пожилой японец. На этой стороне также имелся Еврейский участок. Хотя по площади он был вдвое больше первого, на нем сохранилось всего пять могил. Сразу увидел надгробие с надписью на двух языках: идиш и русском: «На этом месте погребено тело Миры Наумовны Писаревской, умер-

шей 3 марта 1897 г. 21 год от роду от болезни черной оспы. Мир праху твоему, дорогой товарищ». Нагасаки издавна считался пристанищем для инакомыслящих. Деятельно работала здесь и «Народная воля».

Под другими надгробиями лежат в основном уроженцы Одессы. Уже не рассчитывая найти что-то важное, направился в сторону памятника на могиле Гловера, одного из самых известных иностранных деятелей в Японии, как мой взгляд упал на полуразрушенное ограждение вокруг каких-то могил. На хорошо сохранившемся обелиске увидел знакомую фамилию. Сердце екнуло: это и был семейный склеп Г.Ф. Демби, известного в прошлом владивостокского предпринимателя.

Демби появился в Нагасаки в конце 1870-х гг., когда заинтересовался китобойным промыслом. Здесь он женился на православной японке, получившей после принятия христианства русское имя Анна Рудольфовна. У них был дом по улице Наминохара, № 25, но большую часть времени семья — супруги Демби имели четырех сыновей и одну дочь — проводила на Сахалине или во Владивостоке.

27 декабря 1909 г. Анна Рудольфовна неожиданно скончалась. В это время она находилась в Нагасаки, направляясь с дочерью в Австралию, где хотела провести зиму. Муж пережил жену на семь лет и умер 15 ноября 1916 г. в Гонолулу. Его прах перевезли в Нагасаки и положили рядом с женой. Здесь же покоится и дочь, Лиза Демби. В 1914 г. она вышла замуж за шотландца Эдварда Гордона (Edward Gordon), британского консула в Нагасаки и Хакодате. Вскоре его назначили консулом в Гонолулу, и там у молодоженов в 1916 г. родился сын Джордж (вероятно, названный так в честь деда). Большой трагедией для всех членов семьи стала смерть

Лизы от перитонита через шесть недель после рождения ребенка. Обо всем этом вспомнил, присев у могилы на каменные ворота, аккуратно положенные рядом с памятником. Мое присутствие на обычно безлюдном кладбище заинтересовало японца, косившего траву. Он подошел познакомиться и очень удивился, узнав, что я хорошо знаю историю этого надгробия.

— Здесь почти не бывает родственников, — сказал он. — Столько воды утекло с той поры, когда кладбище действовало, и столько войн было!

Он молча постоял рядом со мной, будто тоже хотел помянуть моих соотечественников.

ДЕНЬ 14-ЫЙ

Парк Мира или память о бомбе

В музее Атомной бомбы (Gembaku Shiryōkan) огромная экспозиция рассказывает, как бомбардировщик Б-29 («Enola Gay») совершил сбросил бомбы на Хиросимы и Нагасаки. Здесь собраны документальные свидетельства от более 70 тысяч людей. Музей создавался при участии американцев, и это вызывало неприятие у многих японцев. Они не хотели передавать экспонаты людям, которые оправдывали бомбардировку и отказывались приносить публичные извинения. Однако директор музея Ито Тацуя (Ito Tatsuya) сумел убедить соотечественников в важности создания музея. Мэр Нагасаки Хитоси Мотосима (Hitoshi Motoshima) в свою очередь пообещал американцам содействие при условии, что музейная экспозиция будет внушать посетителям мысль о необходимости полного запреща-

ния атомного оружия. Поначалу музей располагался во временном помещении, пока в 1996 г. не обрел постоянного адреса в современном приземистом здании с обширными площадями под землей. Помимо экспозиции там имеются библиотека, видео- и конференц-залы.

Одна из фотографий, выставленных в музее, показывает обожженную до костей спину 16-летнего Танигути Сумитеру (Taniguchi Sumiteru). Атомный взрыв застиг его почти в двух километрах от эпицентра, когда он доставлял почту в район Sumiyoshi. Снимок же был сделан в больнице, куда парень попал вместе с другими жертвами бомбардировки. У этой фотографии оказалась интересная история. В 1968 г. музей посетил 71-летний американец Джо О'Donnell, который в сентябре 1945 г. работал в Нагасаки фотографом Военно-морских сил США. Увидев снимок мальчика, он вспомнил, при каких обстоятельствах сделал его, и очень обрадовался, узнав, что тот выжил. Сотрудники музея организовали встречу двух очевидцев бомбардировки, и те пообещали друг другу изо всех сил бороться за запрещение ядерного оружия.

По иронии судьбы недалеко от эпицентра атомного взрыва стоял крупнейший в Японии католический собор Ураками (Urakami Cathedral), построенный в 1925 г. и вмещавший шесть тысяч прихожан. Естественно, он был стерт бомбой с лица земли. Вскоре после войны для японских католиков выстроили временное пристанище, а в ноябре 1959 г. соорудили новый собор. Он стоит примерно на том же месте, где встретил первых прихожан французский миссионер после открытия Японии.

Рядом с музеем находится Парк мира (Heiwa Koen 平和公園). Он был разбит вскоре после войны в память о жертвах бомбардировки и в дальнейшем реконстру-

ирован на средства, собранные японцами и жителями других стран. И вновь русская страница. После Чернобыльской трагедии в Нагасаки приехало большое число медиков для стажировки на медицинском факультете Нагасакского университета. Японские врачи накопили огромный опыт лечения людей, пострадавших от радиоактивного излучения, и охотно делились им.

Я уже запечатлел все скульптуры Парка мира и соби-
рался уходить, но ко мне подошел пожилой японец. На
английском языке он попросил сфотографировать его
на фоне знаменитого памятника мольбы о мире.

— Вы откуда приехали? — не удержавшись, спросил
его.

— Вероятно, удивитесь, но я из Гонолулу, прилетел
почтить память предков. Мой отец был родом из Нага-
саки, но молодым уехал на Гавайи. Я хорошо помню ту
бомбардировку в Пирл-Харборе, где он служил механи-
ком. Японский снаряд угодил прямо в мастерскую, и мы
даже не смогли найти его останков. Та война разделила
всю нашу огромную семью. Некоторых, включая меня,
власти выселили в специальные лагеря — были такие на
американском континенте. Кое-кто из моих одноклас-
ников правдами и неправдами сумел переправиться в
Японию и даже повоевать против Штатов. Знаю, что
один погиб, воюя в составе Квантунской армии около
советской границы. Часть друзей пошли служить до-
бровольцами в американскую армию. В атомной бом-
бардировке Нагасаки погибли два моих дяди, тетя и не-
сколько сестер. Вот такой трагический след оставила та
война на моей семье, — грустно закончил собеседник и,
немного сгорбившись, понес к памятнику яркие гавай-
ские цветы, которые привез с собой.

ДЕНЬ 15-ЫЙ

Осматривая Офицерский участок и часовню

На подходе очередной тайфун, а день прощания с Нагасаки не за горами. Нужно использовать каждый час благоприятной погоды. Вновь по привычному маршруту направился со своей горы на другую — в Инасе. По пути на Русское кладбище увидел небольшой пластиковый стенд, посвященный Русской деревне в Инасе: усатые бравые моряки с кокетливыми японками в кимоно небрежно разлеглись на траве перед чайным домиком. В планах был осмотр второго уровня кладбища, который назвал про себя Офицерским, но перед этим хотел заглянуть в красивую каменную часовню Святого Николая Японского. Ее построили так, чтобы куполок с православным крестом можно было увидеть с рейда Нагасаки.

Я уже несколько дней ходил вокруг часовни, заглядывая в щели, но все три входа в нее были заперты. В плане же отмечалось, что внутри находятся два захоронения, которые хотелось увидеть. Что ж, придется побеспокоить японцев из храма Госиндзи. Подстригающий траву японец в ответ на мой вопрос кивнул в сторону дома:

— Нажмите кнопку, и Вам ответят.

Вышла симпатичная молодая японка. На просьбу открыть двери, она понимающе кивнула и протянула небольшой ключик, на бирке которого было написано по-японски «Русское кладбище». На робкое возражение, что мне нужен другой ключ, от часовни, она вновь кивнула и кого-то позвала. Вскоре на пороге появилась пожилая женщина. Мягкая улыбка, интеллигентное лицо. Эта была вдова настоятеля Сонное Кидзу.

Часовня Святого Николая Японского. Фото автора

Вдова Кидзу. Фото автора

— О, вы знали моего покойного мужа?! А я тоже была в Советском Союзе, совершив путешествие из Ленинграда в Одессу, побывала на Кавказе. Мне очень понравилось...

На просьбу показать часовню собеседница огорченно сказала:

— Увы, ничем не могу помочь. Мы пытались открыть ее несколько раз, но двери так заржавели, что не поддаются.

Видя мое разочарованное лицо, она все же протянула ключ:

— Если хотите, попробуйте сами...

С волнением подошел к двери. Действительно, первая попытка ни к чему не привела: дверь даже не шелохнулась. Пришлось засучить рукава и удвоить усилия. После немалой возни железо чуть дрогнуло, затем закрипело и, наконец, нехотя отворилось. Внутри было

почти пусто. Небольшой свет проникал через крохотные окошки-иллюминаторы, сделанные в виде креста. Часовня показалась подобием капитанского мостика на корабле, плывущем в прошлое. Тщательно оштукатуренные стены, накрытый целлофаном стол, подставка для свечей, кадило в углу. Прошлое будто бы остановилось здесь, а может, оно решило подождать меня на этой остановке?

На полу, у порожка южного входа, увидел плиту с надписью: «Георгий Александрович Мордвин. Старший офицер клипера “Наездник” капитан 2 ранга скончался 26 ноября 1884 г.»

У северного входа другая плита: «Антоний Дмитриевич Баранов. Старший офицер клипера “Вестник” капитан 2 ранга скончался 24 декабря 1887 г.» Вот, оказывается, как необычно выглядят их надгробия. Мемориал, оставшийся навечно!

На стене висели три простенькие иконы: картинки, наклеенные на дерево, — проще некуда. Я заглянул на обратную сторону. На первой, кроме пыли, ничего не обнаружил. На обороте центральной иконы Христа-спасителя было написано по-английски: «Сего воскресения 21 октября 1990 г. в этой часовне Святого Николая (St. Nicolas of Myra in Lucia) в Нагасаки проведена служба митрополитом Питиримом и протоиереем Аркадием (Тущур), на которой присутствовали русские и японцы».

Владыка Питирим, большой друг моряков, принимал участие в международной выставке «Нагасаки-путешествие-90» как сопредседатель правления общества «СССР — Япония». С его благословения в экспозицию выставки были включены предметы церковной утвари и иконы, которые в конце XIX — начале XX веков нахо-

Памятник на могиле Н. Григорьева

Памятник на могиле И. Лебедева

дились на кораблях Тихоокеанской эскадры Российского флота. Теперь стало понятно, что часовня все-таки была названа в честь святого Николая, покровителя моряков, а позднее японские православные стали именовать ее в честь первого православного святого — архиепископа Николая Японского. Откуда-то из иконки выползла верткая ящерица. В ее глазах я будто бы прочитал: «Ну что, доволен? Достаточно с тебя на сегодня!» И в самом деле, на сегодня хватит, а завтра посмотрим! Постоял минутку, помянув русских моряков.

Мои мысли прервали Гриша и Морико, подошедшие с охапками цветов.

— Здравствуйте! Мы полночи не спали, обсуждая то, что Вы рассказали! Мы даже не подозревали, что каждая могила может скрывать человеческую трагедию. Поэтому зашли в цветочный магазин и купили эти цветы!

Рассказав молодым людям историю часовни, показал красивый мраморный памятник в виде католического костела, установленный с южной стороны, прямо

Памятник на могиле А. Щербака

Памятник на могиле Н. Тоссея

над бухтой. Рядом лежал сбитый крест. Надпись гласила, что здесь похоронен Иван Романович Лебедев, купец 1-й гильдии, родившийся в Иркутске 24 июня 1848 г. Выехав из Кяхты 22 марта 1866 г., он с этого времени жил в Китае: в Ханькоу и других городах. Скончался же в Японии, в деревне Унзен, 15 июля 1886 г. Вот бы и другие памятники сообщали такие подробные биографические сведения!

— А теперь пойдем на север. Там есть могилка ребенка Михаила Мюльберга. Всего-то он прожил два месяца, скончавшись 4 января 1905 г. Фамилия редкая, в сети Интернет нашел упоминание о подпоручике 12-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка Евгении Петровиче Мюльберге, которого наградили 24-го октября 1904 г. орденом Св. Георгия 4-й степени. Может, он был отцом этого мальчика?

Чуть поодаль увидели надгробие, отлитое из бетона и отлично сохранившееся, как и надпись на нем. Она

свидетельствовала о том, что здесь лежит 37-летний старший инженер-механик броненосца «Наварин» Николай Васильевич Григорьев, умерший 4 сентября 1899 г.

Рядом еще более интересное захоронение: 46-летнего Александра Викторовича Щербака — врача, участника Среднеазиатских походов и Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Он был знакомым А.П. Чехова. 9 сентября 1894 г., во время одного из своих путешествий Щербак скончался в Нагасаки от рака гортани и полости рта. Тоненькая Морики взобралась на четырехгранную колонну, увенчанную книгой, чтобы прочитать надпись. Увы, не только вода точит камень, но и время.

Монументально выглядит огромный валун на могиле 31-летнего лейтенанта Николая Тосселя, скончавшегося 4 февраля 1881 г. Крест, установленный когда-то на вершине, отлетел.

Видно, что кто-то пытался его восстановить, но ничего не получилось, и он так и остался лежать, прислоненный к могиле. На снимке, помещенном в японском справочнике, этот крест еще на месте. Кстати, на могиле Щербака мраморный крест также сбит. Когда же это произошло?

Памятник 39-летнему капитану 1-го ранга Николаю Александровичу Астромову, который скончался в Нагасаки 5 апреля 1894 г., тоже немного пострадал: в небольшой нише отсутствует икона.

Рядом с ним похоронен еще один ребенок — двухлетняя Александра Михайловская (умерла 22 января 1888). Удивительно, что сохранилось надгробие, выполненное из металла: вполне можно было ожидать, что во время войны его отправили на переплавку.

Хорошо сохранился и памятник на месте захоронения Константина Михайловича Доможирова, 37-лет-

Памятник на могиле А. Михайловской

Памятник на могиле Н. Астромова

Памятник на могиле Р. Брауна

Памятник на могиле К. Миллера

него старшего офицера фрегата «Дмитрий Донской», умершего в Нагасаки 18 апреля 1888 г.

Рядом небольшое мраморное надгробие с крестом, которое принадлежит Михаилу Ивановичу Дмитриеву. Он родился 14 октября 1865 г., служил на постройке Уссурийской железной дороги, скончался 31 августа 1897 г. Почти уверен, что этот краевед опубликовал несколько статей о Нагасаки, но без подписи.

Дикий камень с искусно выбитой надписью говорит о месте погребения кочегарного унтер-офицера корвета «Рында» Роберта Брауна, чей земной путь окончился 18 мая 1888 г. Почва под камнем так осела, что кажется, чуть копни — и можно увидеть останки.

Чуть поодаль могила 38-летнего капитана Восточно-Сибирского стрелкового полка Василия Владимировича Вейланда, скончавшегося 23 октября 1902 г.

В самом углу участка стоит крепкий бетонный монумент: это могила командира крейсера 2-го ранга «Джигит» 45-летнего капитана 2-го ранга Карла Петровича Миллера. Памятник смотрит как бы в сторону, хотя в основном надгробия на кладбище обращены на бухту.

Напротив, согласно записям, должна быть могила мичмана клипера «Изумруд» Владимира Павловского (скончался в 1866 г.). Так ли это, не проверишь: надгробие без таблички, как и на могиле справа, где должен лежать Ф.Я. Карниолин. Известно, что он приехал в Японию в 1858 г. в числе юнг-кантонистов Первого учебного флотского экипажа Кронштадта, зачисленных в состав первого российского консульства в Хакодаде. Скончался он 30-летним 20 августа 1875 г.

Неподалеку стоит памятник с четырехугольной вершиной, крест с которой исчез. Здесь лежит 35-летний лейтенант Петр Петрович Нозиков, служивший на крейсере «Разбойник» и умерший незадолго до Русско-японской войны.

Сломана вершина и у памятника-колонны на могиле Елены Васильевны Андреевой, родом из станицы Урюпинской Войска Донского. Она скоропостижно умерла на 23-м году жизни. В надписи на памятнике родные сочли нужным сообщить подробности: «Заболела в 9 часов вечера 10 июня 1907 г. Умерла с 17 на 18 июня в 3 часа 12 минут ночи».

Памятник на могиле Ф. Каролинина

Памятник на могиле П. Костко

— Она была эмигранткой? — спросила Морико.

— Нет, скорее всего, женой офицера. Русские эмигранты в Нагасаки появились позже, их, кстати, было не так уж много. Увы, пока я не обнаружил письменных источников о точном числе. На этом уровне находится единственная могила русского эмигранта 37-летнего Павла Станиславовича Костко, умершего 21 августа 1941 г. Вероятно, нашли пустой уголок среди офицерских захоронений...

На могиле вольного штурмана Федора Ивановича Кудаква (родился в 1862) два сломанных якоря и слова «Помяни, Господи, душу его». Он тоже умер в расцвете сил 7 июля 1897 г. Увы, трудно разобраться в причинах смерти каждого. Кого-то привела на этот погост смертельная болезнь, кого-то случайность, но некоторые сами распрощались с жизнью. Долгая жизнь вдали от дома, нелегкая морская служба оставляли след в душе...

Около калитки парадного входа, к которой мы вер-

нулись, обойдя кладбище, не видно ни одного памятника, но что-то не верится, что здесь совсем нет могил. Может быть, именно сюда упала бомба? Поделился сомнениями с молодыми спутниками. Ребята согласно покивали головами, положили оставшиеся цветы на ближайшую могилу и молча помолились — каждый на своем языке.

ДЕНЬ 16-ЫЙ

По японским достопримечательностям

Чтобы хорошо понять моих соотечественников, которым полюбился Нагасаки, решил повнимательнее осмотреть его достопримечательности. Японский путешователь сообщает, что наряду с судостроением и рыбной промышленностью туризм является важной составляющей доходной части города. Правда, в последние годы сюда приезжает гораздо меньше американцев, чем прежде. Да и туристические пристрастия самих японцев претерпели изменения. Если раньше они в основном путешествовали по своей стране, то теперь многие предпочитают проводить отпуск за границей. Тем не менее, жители других городов до сих пор приезжают в Нагасаки отметить очередную годовщину ядерного взрыва. В это время гостиницы переполнены, и найти пристанище чрезвычайно трудно.

Беспокойство нагасацких властей вызывает то, что с каждым годом исчезают старые здания, а вместе с ними и неповторимый колорит старинного порта. Город постепенно превращается в обычный туристический центр. Любители старого Нагасаки считают, что

нельзя уповать только на отдельные уцелевшие достопримечательности, такие как парк Гловера, храм Софукуджи (Sofukuji) или Мост-очки (Megane-bashi). В 1977 г. профессор Мурата Акихиса (Murata Akihisa) с отделения архитектуры Нагасакского института прикладной науки насчитал в центральной части Нагасаки и прилегающих районах 378 классических японских деревянных построек. Через несколько лет он обнаружил, что почти треть их (107 или 31%) снесли, заменив жилыми домами или другими современными зданиями. Но даже те, что уцелели, в большинстве своем потеряли первоначальный облик. Профессор писал, что старинные постройки с балюстрадами и узкими балконами, позволявшими наблюдать за различными праздничными шествиями в центре города, были характерны для Нагасаки, и если не принять мер для их сохранения и гармоничной застройки, город потеряет привлекательность для туристов.

История Нагасаки тесно связана с европейской торговлей: в 1570 г. его открыли в качестве торгового порта, разрешив иностранцам, в основном это были португальцы, заходить сюда для обмена товарами. В связи с этим Нагасаки стал и окном для проникновения в Японию христианства. В 1587 г. Токатоми Хидэеси (Toyotomi Hideyoshi) принял решение прекратить проповеди христианства, и 5 февраля произошла казнь 26 христиан, привезенных в Нагасаки из Киото, Осаки и Сакаи. Среди них было и шесть иностранных священников. Их всех распяли на холме Нисизака (Nishizaka), и это положило начало преследованию христианства в Японии. В 1862 г. папа Пий IX канонизировал мучеников, а в 1962 г. по случаю столетия этого события в Нагасаки был сооружен бронзовый памятник 26 святым.

Резные барельефы изображают казненных христиан, которые предпочли унижениям смерть ради Христа. В их честь был воздвигнут и храм Ураками (Urakami), который еще называют Храмом 26 мучеников.

Первым же памятником христианским мученикам стал католический собор Оура, построенный французским священником Птижаном в 1865 г. Здесь хранится немало христианских реликвий, часть которых посвящена преследованию христиан в Японии. Чтобы побывать внутри собора, нужно заплатить всего 300 иен. Это старейшее в Японии деревянное здание готического стиля с красивейшими окнами, привезенными из Франции, охраняется государством. Оно находится в несколько минутах ходьбы от парка Гловера. Упоминания об этом храме встречаются в записках многих русских туристов 19-го века, так как неподалеку от него располагалось здание Российского консульства.

Бродя по улочкам около храма, остановился на улице Glass Road, по-нашему, Стеклоанной. Каких только

сувениров там ни обнаружил! Особенно много было нагасакского стеклянного литья, европейского искусства, с которым японцы познакомились в эпоху Токугавы. Стоимость изделий колебалась от 250 иен до ста и более тысяч. В этой старинной части Нагасаки, где протекает крохотная речка Nakashima-gawa, немало прогулочных зон: тихих узких переходов, тщательно вымощенных красивыми плитками, с оригинальными скульптурами и нарядными цветочными клумбами. По-восточному причудливые каменные мостики тут и там соединяют берега речки. Особенно примечательным показался мост-очки. Его опоры и перила, отражаясь в воде, выглядят совсем как огромная оправа очков. Кажется, в январе 1874 г. моряки с корвета «Богатырь» под командованием капитана 2-го ранга Д.П. Шафрова, участвовали здесь в тушении большого пожара и спасли город.

ДЕНЬ 17-ЫЙ

Кладбище Omura International Cemetery

Меня давно интересовала судьба неистового революционера Николая Русселя-Судзиловского. Я искал его следы в сан-францисских архивах, на его бывших плантациях на Гавайских островах, а также в Гонолулу, где располагался дом первого президента Гавайского сената «Каука Лукини», как называли Русселя гавайцы. В биографии этой авантюрной личности пытался разобраться, исследуя по крупицам его архив, который теперь хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Знал и то, что жена Русселя Леока-

Кладбище Omura International Cemetery

дия (Leocadie S. Russel) похоронена в Нагасаки. Но где именно? Порывшись в соответствующем справочнике, нашел, что таким местом было Международное кладбище в Омуре, примыкавшее к району, где жили выходцы из других стран. Оно было открыто после того, как в 1861 г. Британское консульство начало переговоры с японскими властями об открытии рядом с поселением иностранцев иностранного кладбища, и служило до конца 1880-х гг., пока не заполнилось. Сегодня на нем 283 могил. Самое раннее захоронение было произведено 21 июня 1861 г.

Этого кладбища в путеводителе не оказалось. Чтобы найти его, пришлось забежать на вокзал и поговорить с девушками из информационного отдела. Вначале они пожимали плечами, безуспешно листая свои справочники, но в конце концов общими усилиями искомый объект был обнаружен. На трамвае № 5 доехал до ко-

нечной остановки и немного прошелся по узкой улочке, весьма типичной для Нагасаки. Сегодня этот район известен под названием Оура. Его застройка началась осенью 1860 г., вскоре после открытия Японии для иностранной торговли, и предназначался он для иностранных граждан. Постепенно район превратился в процветающую общину с большими домами, построенными в европейском стиле, и собственным портом «Бунд» (Bund).

Указатель подсказал направление в сторону Kawakami-machi, и вот я у цели. Не могу сказать, что это кладбище относится к числу мест, облюбованных туристами. Оно выглядит несколько заброшенным, хотя на фасаде и сохранилась литая металлическая решетка. Кладбище располагается на нескольких уровнях — пяти или шести. Медленно обходя могилы, старательно рассматривал надписи: вдруг найду место последнего пристанища какого-нибудь выходца из России. Некоторые надгробия удивительно похожи на те, что видел на Русском кладбище в Инасе — огромная плита из бетона с нанесенной на нее крепкой штукатуркой. Видимо, все они были сделаны в одной мастерской.

На всех уровнях видны пустоты. Вероятно, могилы существуют, а вот надгробий не сохранилось. Были из дерева или другого ненадежного материала? Forrest, Grey, Ferguson... кто их сейчас помнит? И вновь, как и в Инасе, много якорей. Сразу видно, что находишься в морском порту. Якорь вырезан и на каменном блоке у могилы с именем Stephan Manogh. Моряк! Подобных обелисков насчитал три. Обращает на себя внимание высокий постамент со скульптурой мужчины. Шотландский морской инженер поставил его в память о своих братьях. Около памятника живые цветы в красивой вазе с изображением голубых парусников. А вот

Валентина Зворыгина в японском кимоно

оригинальный монумент на могиле американского моряка, умершего в 1885 г. — две фигуры, которые держатся одной рукой за головы, а другой за столб.

Все, кто занимается изучением кладбищ, знают, как важны эпитафии. Они могут рассказать о многом. На одной из могил написано, что здесь похоронен секретарь немецкого консульства W. Kolling (12 ноября 1850 — 18 апреля 1888). Дипломаты из этой страны часто исполняли обязанности представителей и Российской империи. Датчанин Cornelius H. Fock в 33 года стал директором Нагасакского медицинской больницы-школы. Смерть прервала блестящую карьеру в феврале 1883 г. Еще одна знаменитость. Итальянский певец Agostino Pagnoni, чье имя известно многим любителям музыки. В 1884 г. он скончался в Нагасаки в возрасте 70 лет. Думается, нагасакаские краеведы могли бы рассказать много интересного об этих и других людях.

Якоря из бетона, стилизованные волны, штурвалы в виде крестов. На некоторых обелисках и надгробиях еще можно что-то прочесть, но через несколько лет все канет в вечность. Может, японцы и вели учет захоронениям, записав всех, кто лежит здесь? Скорее всего, нет. Нельзя сказать, что кругом царит порядок: то и дело спотыкаешься о куски разбитой штукатурки. Выше Международного кладбища видны японские могилы. Они-то, как всегда, в идеальном состоянии, что вполне понятно: за ними ухаживают родственники.

Увы, я не нашел могил ни жены Николая Русселя-Судзиловского, ни других выходцев из России. Поклонившись всем, сказал: «Мир вашему праху!» и отправился побродить по району Oura-Sagarimatsu, протянувшемуся от гавани до южного берега реки Оура. Своим названием Sagarimatsu (Поникшие сосны)

он обязан сосновой роще на пригорке у реки. Когда-то здесь располагались нагасакская гостиница и местное отделение гонконгского и шанхайского банка. Оба эти большие и красивые здания, построенные в европейском стиле, были примечательностью порта.

ДЕНЬ 18-Й

Термальный источник Уресино

В газете «Владивосток» конца 19 — начала 20 веков имеется немало упоминаний о русских страницах истории Нагасаки. Просмотрев перед поездкой в Японию все подшивки, нашел там большое число корреспонденций о термальных источниках-онсенах, куда ездили отдыхать состоятельные горожане, в частности о Такео и Уресино, расположенных неподалеку от Нагасаки. Такео, городок у подножья горы Хораи (Horai), имеет более чем 1200-летнюю историю и издавна славится водой, разглаживающей кожу. Это местечко получило известность еще и благодаря производству красивых изделий из фарфора. В Уресино, где горячая вода вытекает через расщелины в песчанике, выращивают зеленый чай. Около 60 гостиниц, выстроенных вокруг источников, круглогодично были готовы принять любителей горячих ванн.

«Местная жизнь в Такео более оживлена, — писали в прошлом. — С раннего утра и до ночи продолжается непрерывное хождение в ванны и возвращение оттуда. Гостиницы, видимо, не пустуют от отсутствия приезжих. Движение по улице только с полуночной порой прекращается. С наступлением вечера появляются му-

зыкантши и музыканты и, проходя по улицам, бренчат на своих струнных инструментах скучные мотивы, надоедающие своим однообразием.

Днем же уличная картина разнообразится появлением то акробатов-артистов, то мальчиков-танцовщиков, или же пожилого японца-чтеца. Последний по несколько раз в день появляется на площади вблизи гостиницы, сопровождаемый какой-то женщиной, вероятно, своей женой, и вдвоем они целый день читают нараспев какие-то небольшие брошюры.

Прислуга в гостиницах, как в Уресино, так и в Такео, — женская, преимущественно молодые девушки. В Такео относительно объяснений и разговоров положение иностранца сравнительно облегчается: тут говорят немного по-английски» .

Что же увижу сегодня на старых источниках? Купив за 2750 иен билет в оба конца, сел на автобус в девять часов утра — успею вернуться домой к вечеру. В огромном комфортабельном автобусе оказалось всего трое пассажиров. Выбрав место впереди, стал следить, как автобус пожирал километры пути. Водитель, по обыкновению в строгом костюме и при галстукке, постоянно смотрел на часы, чтобы не выбиться из графика. В Японии все по расписанию, и это во многих случаях облегчает жизнь.

С моего сидения дорога видна, как на ладони. Вдоль нее тянется аккуратно подстриженный кустарник, хотя мы уже изрядно удалились от городской черты. Вид, как на картинке. Стал накрапывать дождик. Через 45 минут мелькнул городок Оумура, а тяжелые тучи обрушились сильным ливнем. Слева море, пальмы. Дорога горная, автобус то и дело ныряет в туннели. Поразили три туннеля один за другим, примерно по 700 метров

каждый. Они не только с идеально гладким дорожным покрытием, как и везде в Японии, и отлично освещены, но даже имеют телефоны-автоматы!

В Уресино в очень красивом и, вероятно, самом дорогом онсене, куда я заглянул, потенциального клиента во мне не признали. Японка-администратор в роскошном кимоно, осмотрев меня с головы до ног, достала карту городка и указала на онсен попроще. Расценки, действительно, там были гораздо ниже, но в вестибюле меня встретили неожиданным сообщением:

— У нас нет мыла.

Это замечание отнюдь не обескуражило: в конце концов, я приехал не за чистотой, а чтобы сравнить впечатления вековой давности с сегодняшними. Большое помещение разделено на две части: теперь редко, когда мужчины и женщины принимают ванны вместе, хотя из-за тонкой перегородки женский говор был хорошо слышан. Мозаичное панно на стене изображает сбор чая под музыку барабанов. Окно в виде тории выходит на улицу, где то стихал, то опять усиливался дождь. Наверху находятся комнаты отдыха с татами. Внизу столовая. Наверное, в старые времена все было по-другому. Сто лет назад владивостокцы жаловались на отсутствие в Уресино квалифицированной врачебной помощи, а сейчас здесь имеется медицинский центр. Невольно задумался о том, как сюда приезжали на отдых и лечение мои соотечественники. Кто-то тешил себя надеждой, что целебная вода избавит от недугов. Увы, могилы на нагасакских кладбищах говорят об обратном... Где-то далеко остались российские проблемы, споры о будущем России, и мне казалось, что вот-вот отворится дверь и в онсен зайдут мои герои. Не зашли...

На туристической карте Уресино были указаны христианские могилы, и я решил отправиться на поиски. То, что на бумаге выглядело очень близко, оказалось вне пределов досягаемости. Справляясь у каждого встречного, туда ли я иду, все больше и больше отдалялся от городка. Путешественник, не доверяй японским туристическим картам и не спрашивай дорогу у прохожих! Японцы всегда внимательно выслушают, но никогда не признаются, что чего-то не знают. А потому, чтобы не говорить «нет», могут послать далеко-далеко. До могил так и не добрался. Опасаясь опоздать на последний автобус, вернулся в городок. Вечером в Нагасаки занялся разбором записей: масса разрозненных фактов требовали осмысления и анализа.

ДЕНЬ 19-ЫЙ

В поисках Яшковых, или «Привод» в полицейский участок

Вчера вечером в необъятном Интернете на сайте «Ищу родных» обнаружил объявление, которое меня заинтересовало: «Ищу двоюродных сестер и брата. Их зовут Клавдия, Любовь, Валентина, Зинаида и Иван. Жили они в Японии, в г. Нагасаки. Последний известный адрес: Нагасаки, Минами Ямате, 22. Яшкова Клавдия Семеновна, 1941 года рождения, в 70-х годах работала в посольстве, до 1984 года всегда приезжала в г. Москву. Потом связь прекратилась. Черняева (Яшкова) Валентина Ильинична. Последний раз виделись в Москве на выставке».

Фамилия Яшковых была мне известна, и я тоже был не прочь найти членов этой семьи, поэтому прямо с

утра отправился в полицейское управление Нагасаки. Уже достаточно хорошо познакомившись с японскими полицейскими, знал, что они всегда готовы пойти на помощь. Сайт указывал последний адрес Яшковых: Минамиямате, № 22. Найти дом в России или в Америке, где существует строгая адресная система, не составило бы особого труда. В Японии же все по-другому. Не у каждой улицы есть название, а номера домов могут вовсе не соответствовать их расположению. Истоки этого надо искать еще в феодальной эпохе, когда дома располагались вокруг жилища феодала. Сами японцы признаются, что подсказать дорогу к нужному дому могут только почтовые работники или полицейские.

— Да, да, — сказала приятная женщина в полицейском управлении. — Сейчас подскажу!..

Увы, с первого раза не получилось. Подскочили еще двое служащих, кстати, одетых не по форме, а в гражданское. Видя, что и они не справляются, подо-

шли еще двое мужчин-полицейских. Один засел за компьютер, а другой стал названивать по сотовому телефону.

— Да, да, я припоминаю такую фамилию. Он из России?

Телефонные звонки и тщательное изучение карт оказались безрезультатными. Женщина решила позвонить в отделение полиции того района, где жили Яшковы. Начались новые вопросы: когда, кто и за чем... Потом ответили:

— Нет, здесь такие не живут...

Неожиданно дело приняло официальный оборот. Меня попросили посидеть на диванчике, и вскоре ко мне подошел детектив, мужчина средних лет, уже внешний вид которого говорил, что он имеет отношение к органам. Неулыбчивый человек без лица, с несколько блеклыми глазами, но пронизательным и цепким взглядом. Представился: Оосима. Опять те же вопросы. Детектив тщательно все записал, а потом попросил и мои документы. Растяпа, не взял регистрационную карточку для жизни в Японии. Пообещал принести завтра, но услышал:

— Проедем лучше сейчас в вашу гостиницу.

И проехали. Правда, заходить в квартиру мой спутник не стал, но тщательно рассмотрел карточку, только что на зуб не попробовал, и записал ее номер. Напоследок Оосима-сан пообещал, что постарается разобраться с Яшковыми. Может, и узнает что-то, хотя сомневаюсь. Нужны ли японскому полицейскому такие расследования?..

ДЕНЬ 20-ЫЙ

Опять по русским могилам: Третий участок или рассказы о русско-японской любви

Зато у меня на уме только Яшковы и были. Наутро на кладбище в Инасе подошел к скромному монументу с надписью: «Здесь покоится прах раба Божьего Семена Николаевича Яшкова. Скончался 28 октября 1958 г. От роду 62 года. Родился 16 февраля 1896 г. Село Черемшан». Лампадка и увядшие цветы говорили о том, что могилу кто-то посещает. На фотографии у Яшкова доброе, чуть с усмешкой лицо русского крестьянина.

Рядом с ним еще одна русская могила. На обелиске православный крест красного цвета. По японскому обычаю это означает, что памятник был установлен еще при жизни. Оказывается, возможно и такое. Старожил Нагасаки Степан Иванович Ширяев, скончавшийся 4 мая 1954 г в 76 лет.

Неугомонный стрекот цикад, трели птиц... Так и кажется, что хотят, перебивая друг друга, поведать что-то такое, что скрыто от людских глаз. Впрочем, и без них чувствую души всех, кто остался здесь, вдали от родины, навечно.

— А вот и мы, — услышал за спиной голоса Гриши и Морико. В руках опять охапки цветов. — С чего начнем сегодня?

Начали с огромной пальмы, которая почти закрыла один из самых красивых памятников на этом погосте — А.П. Анкудиновой. Скончалась в Нагасаки 19 декабря 1919 г. Скульптор-японец большим мраморным крестом разделил две фигуры: русского мужчины с усами, держащего большой якорь, и японки, в кимоно и с птицей на плече. На постаменте хорошо видна эпитафия: «Была добродетельна, за зло платила добром». Фами-

Памятник на могиле С.Н. Яшкова

лию Анкудиновых встречал не раз в русских анналах истории Нагасаки.

Справа от этого памятника виднеются две безымянные надгробные плиты. Невдалеке два одинаковых скромных обелиска: генерал-майор по адмиралтейству Николай Андреевич Егунов скончался в 62 года 18 октября 1924 г. Дочь его, Анна Егунова, умерла 18-летней 15 февраля 1923 г. Солидный монумент украшает могилу Георгия Павловича Напалкова (George Napalkoff), который скончался на 69-м году жизни 26 августа 1920 г. Из исторических источников известно, что в Нагасаки существовала стивидорская компания «Napalkoff & Co.».

Могилы № 209—215 расположены в один ряд и огорожены единой цепью. Здесь лежат жертвы Русско-японской войны. Трудно сказать, находились ли эти могилы изначально на этом месте или были перенесены сюда откуда-то. В дневниках архиепископа Николая

Памятник А.П. Анкудиновой

Памятник на могиле Н.А. Егунова

встречаются сведения о таких случаях. Вот что он, в частности, писал о могиле безымянного офицера в селе Цикуми-мура, что недалеко от порта Сакаи (провинция Симане): «М-те Такеда (жена врача)... за свой счет поставила ему памятник из камня в 6 футов высоты. Когда она делала это, соседние жители неблагоприятно относились к сему: насмешливо и презрительно. Но теперь это совсем переменялось: погребенному приносят цветы, конфеты и другие жертвы, как это делается на синтоистских кладбищах. Что за причина? Страдающие зубною болью нашли, что русский покойник излечивает эту болезнь — за то и чтут его. М-те Такеда говорит, что недалеко оттуда, в деревне Нои-мура, погребены еще два русских, в Нонами-мура — еще один. Она хочет и им поставить памятники, если они не будут перевезены в Нагасаки. Говорит, что и еще можно найти могилы две—три».

Мраморный обелиск сообщает, что Екатерина Макаровна Федосеева родилась 7 ноября 1845 г., а скончалась 19 февраля 1918 г. Рядом Василий Григорьевич Федосеев, скорее всего, сын (1 марта 1863 — 11 ноября 1918), переживший мать всего на несколько месяцев. Эта фамилия встречается в записках известного литератора-мариниста капитана Дмитрия Лухманова: «Федосеев был русский механик. Лет пятнадцать назад он отстал по болезни от какого-то парохода Добровольного флота, обосновался в Нагасаки и женился на японке. Он “вышел в люди” из слесарей Севастопольского судоремонтного завода и не скрывал этого. Научившись болтать по-японски и по-английски, зная хорошо свою специальность и ремонтное дело, он занимался посредничеством между японскими судоремонтными заводами и мастерскими и капитанами русских военных судов и “добровольцев”, доковавшихся и ремонтировавшихся в Нагасаки. Жил он неплохо, имел собственный домик и сад и знал все и всех в городе. В тот же вечер Федосеев явился ко мне. Это был человек лет сорока пяти, брюнет с сильной проседью, с подстриженными по-американски усами и громким голосом».

Рядом с Федосеевыми лежит уроженец Хабаровска Сергей Никифорович Звайков (скончался 5 февраля 1913 г.), за ним Таисия Кузьминична Соляникова (28 октября 1897 г. — 18 мая 1912 г.). 19 марта 1912 г. в Нагасаки умер командир парохода «Охотск» шкипер дальнего плавания Вильгельм Иванович Кактин (родился 2 мая 1868 г.). Эпитафия «Спи, мой друг, без вздыхания, жди грядущего свидания» могла быть написана женой или подругой.

На огромном холме братская могила времен Русско-японской войны. Над ней четыре дерева, посаженные

Памятник на могиле В.Н. Подобедова

Памятник на могиле Ф.А. Яковлева

бессистемно. Рядом еще несколько приметных захоронений того времени. В Цусимском бою 14—15 мая 1905 г. погибли старший врач эскадренного броненосца «Сисой Великий» Вениамин Николаевич Подобедов (родился 7 октября 1866 г.) и капитан корпуса инженер-механиков, старший механик броненосца береговой обороны «Адмирал Ушаков» Федор Андреевич Яковлев (родился 6 июня 1872 г.).

Командир крейсера 1-го ранга «Дмитрий Донской» капитан 1-го ранга Иван Николаевич Лебедев родился 12 августа 1850 г. Ночью после Цусимского сражения его, смертельно раненного, вместе с другими членами экипажа перевезли на остров, и вскоре он скончался в плену, а к утру крейсер затонул, не спустив флага.

От ран, полученных в Цусимском бою, 15 мая 1905 г. умер и старший штурманский офицер крейсера 1-го ранга «Светлана» лейтенант Владимир Владимирович Дьяконов (родился 21 декабря 1873 г.). Летом 1999 г. японцы Масахиса Судзукава и Хидэо Мацутаке восстановили памятник на его могиле. Принял в этом участие и автор этих строк. Для меня лейтенант Дьяконов не просто офицер российского флота. Россия потеряла замечательного полярника, смелого и честного человека, чье имя — как памятник мужеству арктических первопроходцев — живет и будет жить в названии мыса на острове Вайгач, что на стыке Баренцева и Карского морей.

В 1985 г. в г. Хакодате (остров Хоккайдо) состоялась презентация книги Виталия Гузанова «Одиссей с Белой Руси», изданной на японском языке. Японский МИД предоставил тогда автору возможность посетить морские порты, в которых останавливались русские военные суда. На следующий год В. Гузанов снова побывал в Японии, но уже с другой целью: посмотреть состояние

Памятник на могиле И.Н. Лебедева

Памятник на могиле В.В. Дьяконова

воинских кладбищ, где похоронены матросы, солдаты и офицеры-участники Русско-японской войны 1904—1905 гг. Кладбищ было 29, самые большие — в Нагасаки, Идзуми-Оцу, Мацуяма и Хакодате. Все они находились в запущенном состоянии. Вернувшись в Москву, Гузанов занялся поисками архивных материалов, чтобы восстановить подлинные имена русских воинов. Эта кропотливая работа заняла три года и увенчалась успехом. В Москве были изготовлены медные таблички для каждой могилы, и, начиная с 1998 г. все кладбища были приведены в надлежащий вид: восстановлены и реставрированы. Средства на реставрацию старинного Морского кладбища в Нагасаки были выделены после письменного обращения Виталия Гузанова к президенту и правительству России, а русские могилы на кладбищах в Мацуяма и Идзуми-Оцу пришлось восстанавливать своими силами при участии японской общественности и местных муниципалитетов. В Нагасаки Гузанов вме-

сте с японским другом М. Судзукавой восстановил памятники капитану I-го ранга И.Н. Лебедеву, командиру крейсера «Дмитрий Донской», и лейтенанту В.В. Дьякову, старшему штурману крейсера «Светлана», ибо их снесло волной от взрыва атомной бомбы.

Я рассказал моим молодым спутникам интересную историю.

— Вы говорили, что перед Нагасаки побывали в Мацуяма. Так вот там, в лагере военнопленных, находился мичман Ф.Ф. Рейнгард. После Морского корпуса он сразу же очутился в Порт-Артуре, где служил на канонерской лодке «Отважный», затем командовал ротой Квантунского экипажа. В начале октября 1904 г. его ранили на одном из фортов. Потом плен. Японцы содержали военнопленных без особых строгостей: они могли гулять недалеко от лагеря, а в определенное время возвращаться туда. Однажды в онсене 21-летний юноша познакомился с 16-летней Оханой, дочерью военного врача, погибшего в Японо-китайскую войну. Они полюбили друг друга. Это чувство не значилось в льготах для военнопленных. Вскоре полицейские власти арестовали влюбленных, и некоторое время они провели в тюрьме. К счастью для них, режим для русских военнопленных вскоре облегчился, а в октябре 1905 г. ратифицировали Портсмутский договор. С. Накамура писал, что Рейнгард с Оханой хотели поехать в Россию, а затем вернуться в Японию. Однако мать девушки была против брака дочери с Рейнгартом и ее поездки в Россию. 14 ноября русский офицер был вынужден проститься с Оханой, но после недолгого пребывания во Владивостоке Рейнгард вернулся в Японию на грузовом судне и посетил Охану. На этот раз мать была готова согласиться на этот брак, но при условии выплаты ей Рейнгартом

двадцати тысяч йен. Офицеру было неприятно «покупать» жену», к тому же у него не было таких денег, но чувство любви к Охане не покидало его. В феврале 1906 г., взяв отпуск, Рейнгарт вновь направился в Японию, и на этот раз ему удалось уговорить мать девушки. Они поженились в Кобе. Однако, повинувшись военному приказу, Рейнгарту пришлось срочно отправиться из Нагасаки в Кронштадт, вынуждено расставшись с Оханой. Вероятно, где-то здесь они и расстались, — сказал я, показав рукой на Инасу.

— А что случилось с ними потом? — поинтересовался Гриша.

Увы, сведений пока найдено немного. Известно, что Ф.Ф. Рейнгарт окончил Николаевские морскую и артиллерийскую академии. В Первую мировую войну он сражался на Балтике, стал капитаном 1-го ранга. После окончания Гражданской войны вступил добровольцем в Литовскую армию, преподавал в высшей военной школе, участвовал в ветеранских союзах. После прихода Советской армии в Прибалтику Рейнгарда арестовали, и он целый год провел в тюрьме. Говорят, каким-то чудом он смог освободиться и уехал в северную Германию, где преподавал в Балтийском мореходном училище. Офицер скончался внезапно в начале 1948 г.

— Господи, что за история! — всплеснула руками Морико и, немного помедлив, сказала:

— А в японской литературе описан другой случай. Одним из героев Русско-японской войны был офицер Хиросэ Такэо, который очень увлекся изучением русского языка. С этой целью он отправился в 1887 г. в Россию, где встретился с 16-летней Ариадной Ковалевской. Они полюбили друг в друга, но, к сожалению, воинский долг призвал его вернуться на Родину...

Гриша прервал спутницу:

— Я тоже читал книгу Симоды «Хиросэ Такэо в России» и могу дополнить. Твой любимый герой изучал язык, чтобы заниматься разведкой. Этот офицер немало попутешествовал в стратегических районах. Помимо Ариадны, кстати, дочери контр-адмирала, у него в России были и другие знакомые женщины. Если бы Хиросэ действительно так любил ее, он мог бы забрать ее с собой!

Морико замахала рукой на своего спутника:

— Я знаю, что он тебе не понравился из-за того, что воинский долг ставил выше любви.

Она добавила, обращаясь ко мне:

— Мы по этому поводу впервые поссорились. Правда, это было всего один раз.

Понимая, что пора ввязаться в спор, сказал:

— Перед поездкой в Японию я перечитал много книг, в том числе томик, посвященный сражению в Порт-Артуре. В нем-то и узнал о подвиге Ф.Ф. Рейнгарта. В книге были сведения и об этом японском офицере. Хиросэ был японским морским атташе в Петербурге с 1897 г. по 1901 г. В Русско-японскую войну он командовал флотилией японских брандеров. Капитан Хиросэ считается японским народным героем за необыкновенную храбрость, энергию и самопожертвование. Он погиб при спасении японских матросов во время заграждения входа в гавань Порт-Артура.

— Две судьбы, а сколько еще историй можно было бы рассказать...

Я рассказал ребятам и о японке Таке, родившей внучку знаменитому химику Менделееву. Может, и ее прах лежит где-нибудь здесь...

И вновь беженская могила. Ольга Назаровна Дьякова (урожденная Фаталова) родилась 22 июня 1894

Памятник на могиле О.Н. Дьяковой

Памятник на могиле К.Я. Кузнецовой

г. в Хвалынске, а скончалась 9 марта 1945 г. в Нагасаки. Муж похоронен тут же. На могиле старый букетик искусственных цветов.

Легко открылась кованая калитка, как бы приглашая зайти в огороженный участок у могилы Киры Яковлевны Кузнецовой (урожденной Хлопониной). Она родилась в Петербурге 27 октября 1894 г., а скончалась 11 сентября 1938 г. в Нагасаки. Рядом — могилы членов этой же семьи. Кокочка Кузнецова (12 августа 1923 г. — 21 января 1928 г.), Мария Андреевна Ов(с)ерина (урожденная Кузнецова) родилась в Тяньцзине 17 января 1879 г., умерла во французском Монтре 22 августа 1914 г., а на кладбище в Нагасаки перенесена почти через год, 15 мая 1915 г. Могилы в траве, но с букетиком искусственных цветов.

Владимир Глушко скончался 26 января 1926 г. «Спи, наша деточка, спи, не увидимся больше с тобой, нас разлучила могила нежданная, спи, во успении вечный покой». Владимир Николаевич Китаев, генерал-майор по адмиралтейству. Умер 64-летним 3 января 1920 г. Его брат Сергей Китаев, тоже моряк, был известным коллекционером японских гравюр-укие.

Ольга Никаноровна Дмитриева умерла 3 августа 1907 г. На могильном камне надпись: «Первой политической эмигрантке в Нагасаки от товарищей». Увы, так уж угодно было истории, что здесь на одном участке похоронены те, кто хотел свергнуть ненавистный режим и те, кто бежали от нового строя.

— О, последний цветок, и тот сломался! Но вы же знаете, что японцы ценят и увядшие цветы? — воскликнула Морики и тут же прочла красивое трехстишие:

Есть особая прелесть

В этих, бурей измятых,
Сломанных хризантемах.
(Пер. В. Марковой)

На соседней могиле установлен столб с надломленной вершиной. Иван Николаевич Зелинский приехал лечиться в Японию со станции Бухеду (Китай). Умер 30-летним 21 марта 1907 г. Такой же столб у Ульяны Ивановны Коваленко, скончавшейся в 21 год 9 октября 1906 г. Николай Иванович Цой умер 10 августа 1907 г. Рядом с русскими словами надпись на корейском языке.

— Что ж, давайте посмотрим эти шесть высоких постаментов, которые можно встретить на любом японском кладбище. Надписи плохо различимы. Две, хотя и с трудом, но можно прочесть, остальные же совсем стерлись от времени. Это остатки старинного китайского кладбища.

— Как много мы узнали! Теперь по-другому будем относиться к нашей общей истории...

Настала пора прощаться. Мы обменялись адресами, пообещав писать. Гриша с Морики, обнявшись, направились к выходу, и я мысленно пожелал молодым людям счастья...

Есть в этом мире
Один цветок, —
Невидим он,
Но блекнет он,
Но блекнет без следа, —
Цветок любви!

✕ Хотелось бы, чтобы увядание не коснулось русско-японского цветка любви Гриши и Морики.

ДЕНЬ 21-ЫЙ

Знакомство с Кимура-сан

Утром только расположился за компьютером, как раздался звонок в дверь. Там стоял детектив Оосима, с довольной, как мне показалось, улыбкой на лице. Оказывается, японский полицейский времени зря не терял, а я-то уж был готов поставить крест на поисках Яшковых.

— Самих Яшковых найти не удалось, но вот адрес Кимура-сан, которая знакома с Яшковой.

Он сразу же набрал номер телефона и передал мне трубку. На другом конце милый женский голос сообщил, что она действительно знает Яшкову и готова поделиться сведениями о русских в Нагасаки. С помощью Оосимы-сан договорились о встрече: у здания полиции в 11.30...

Нетерпение было так велико, что пришел задолго до назначенного времени, но и Кимура-сан, видимо, интересовалась предстоящей встречей и тоже поспешила. Она сразу приметила иностранца и окликнула меня:

— Амир-сан?

Моя собеседница увлеклась Россией лет сорок тому назад, а сейчас ей уже семьдесят, хотя на вид не дашь столько. Учила русский язык в Обществе советско-японской дружбы. На вопрос, почему стала этим заниматься, ответила:

— Понравились русский театр и литература. Сейчас многое забылось, но однажды я написала статью о русских женщинах в Нагасаки. Вам интересно?

Еще бы! Конечно!

Оказалось, что Кимура-сан является одним из авто-

Кимура-сан

ров сборника об интересных женщинах Нагасаки. Она написала очерк о переводчице Марии (1920—1996), с которой я познакомился в первый приезд в Нагасаки. Невысокого роста женщина, спокойные умные глаза. В памяти осталось только имя, не знаю даже русской фамилии. Она всегда находилась как-то в тени. Мы и говорили-то всего однажды, когда японцы пригласили

нашу делегацию на обед в ресторане «Харбин». Оказалось, что Мария приехала в Японию из Харбина. Судьба забросила ее в Нагасаки, где она и осталась. Сейчас жалею, что постеснялся тогда продолжить разговор, не расспросил собеседницу ни об ее жизни, ни о предках. Так и умерла Мария среди японцев, ни слова не понимавших по-русски, не знакомых с русской культурой. Предполагаю, что и похоронили ее по синтоистскому обычаю.

В разговоре с Кимура-сан то и дело мелькали русские фамилии: Щербинина, Кузнецова... Если я знал о них только понаслышке, то она со многими в встречалась. Мы быстро обменялись впечатлениями, как старые знакомые, встретившиеся после долгой разлуки. Услышав, что я планирую поработать в Нагасакской префектуральной библиотеке (Nagasaki Prefectural Library), моя собеседница предложила поехать туда вместе, что мы и сделали. Вначале мы попросили библиографов показать книги, посвященные храму Госиндзи и его знаменитому кладбищу. Таких оказалось две. В первой не обнаружил ничего интересного, но вторая, справочник с подробным планом, оказалась очень любопытной.

— Сделать копии? Нет проблем — 10 иен за страницу.

Меня заинтересовала и редкая книга «Уросий», но оказалось, что она хранится в фонде редкостей исследовательского отдела, который располагается в Музее города Нагасаки. По пути туда мы заглянули в ресторанчик при музее и пообедали. Суп по вкусу напоминал борщ. Наши разговоры тоже были на русскую тему: о священнике Такае и о том, что осталось от русской общины в Нагасаки. Моя собеседница рассказала, что часто заглядывает на Русское кладбище и хорошо знает историю русского писателя Щербака.

Нагасакская префектуральная библиотека

В исследовательском отделе после заполнения небольших анкет мы заказали несколько редких книг из истории первых русских контактов в Нагасаки. Ожидая, пока их принесут, разглядывали альбомы на стеллажах, среди которых заметили немало русских книг. Заинтересовала меня и большая японская монография, посвященная знаменитому фотографу Уэно. Среди его работ было немало портретов русских офицеров, посещавших Нагасаки.

Тем временем мне принесли портрет Николая Резанова, наклеенный на тончайшую рисовую бумагу. Свернутый в рулон, он хранится в деревянном пенале. Меня поразило, насколько скрупулезно, с мельчайшими деталями, японский художник нарисовал парадную форму камергера. Потом мне выдали еще несколько редких книг из истории первых контактов русских и японцев. В этой библиотеке хранится и копия японского словаря, составленного Николаем Резановым. Известно,

Портрет камергера Н. Резанова

что он усердно занимался японским языком с одним из находившихся на «Надежде» японцев Хебэ-Киселевым, который и помогал ему составлять «лексикон». Результатом этой совместной работы стали две рукописи: «Краткое русско-японское руководство» и словарь, содержащий более пяти тысяч слов, которые Резанов позже хотел передать Навигацкой школе в Иркутске. Теперь подлинник рукописи хранится в Санкт-Петербургском архиве Академии наук. Быстро просмотрев все книги и рукописи, принялся за пересъемку нужных страниц.

Рабочий день подходил к концу, и, проводив Кимура-сан до автостанции, я искренне поблагодарил мою добровольную помощницу. Наша встреча еще раз доказала, что краеведы, бескорыстные любители истории, всегда готовы помочь друг другу.

ДЕНЬ 22-ПЙ

По следам Николая Резанова

Немного грустно от того, что скоро нужно уезжать из Нагасаки. Успел сродниться с городом, а может быть, между нами что-то осталось не договоренным? Без всякой цели отправился бродить по старым кварталам, в которых больше всего хранится русской памяти. Вначале поднялся на вершину горы, напоминающей нашу Орлиную сопку, откуда Нагасаки виден как на ладони. Еще раз изумился его сходству с Владивостоком. Немного в дымке лежала Инаса, совсем как наш Чуркин, а вдали виднелся эффектный мост. Спустившись, очутился у того места, где жил короткое время первый российский посланник Николай Резанов. Еще во время первого визита в Нагасаки получил цветной буклет-листовку на русском языке, выпущенный Комитетом по приему иностранных туристических судов в Нагасаки. Следом за приветствием «Добро пожаловать!» шел обычный текст со стандартным набором информации. Но на последней странице были такие строки: «Аэростат, запущенный русским человеком. В 1805 г. русский посланник Резанов запустил в Нагасаки впервые в Японии бумажный аэростат. Посмотреть на это зрелище собралось очень людей».

Нагасаки окутан полуденной жарой. В ярко-голубом небе ни облачка. А мне показалось, что над головой что-то промелькнуло. Может, тень того воздушного шара с русским двуглавым орлом, который взметнулся над этим местом более двухсот лет назад? Сразу представилось, как здесь суетились русские моряки, разжигая огонь для запуска своего примитивного устройства,

Запуск бумажного аэростата

как были зачарованы местные жители, увидев шар высоко над городом. Возможно, именно это событие подтолкнуло японцев к более деятельному продолжению переговоров с русскими. В любом случае, оно сыграло большую роль в установлении взаимоотношений, не случайно, спустя много лет, японцы установили на памятном месте небольшую четырехгранную каменную стелу, посвященную полету аэростата. Напоминание об историческом событии сделано на русском языке. Пожалуй, это единственная русская надпись, которую можно найти в Нагасаки. Рядом, на металлическом стенде, информация о некоторых других достопримечательностях, связанных с русскими, вроде Русского

кладбища и Инасы. Я начал было зарисовывать места русского пребывания в Нагасаки, но бросил: план оказался более чем схематичным. Да и карта, вероятно, давно устарела: облик города быстро меняется.

За двести лет претерпела значительные изменения и окружающая местность. В 1859 г. здесь открыли здание таможни, а в 1865 г. Гловер построил первую железную дорогу. Люди потеснили бухту, расширив берега с помощью земляных насыпей. Сейчас до моря не так-то легко добраться, а раньше, очевидно, оно было совсем рядом. Вот к остановке подошел трамвай № 5, в который сели несколько стариков — совсем близко находится большое здание больницы. Передо мной красуется восьмиэтажная гостиница «New Tanda». Предполагаю, что ее постояльцам куда более комфортно, чем первому посланнику Российской империи, который чувствовал себя на этом берегу, как в «огороженной клетке».

Пожалуй, многие в Японии относятся к Николаю Резанову отрицательно. Виной всему было распоряжение камергера напасть на японские поселения на Южных Курилах и Южном Сахалине. Популярный писатель Сиба Рётаро отмечал: «Резанов не следовал интересам государства. Получив в результате политических интриг статут “императорского посланника”, он стремился только к тому, чтобы извлечь из данного ему поручения выгоду для себя, обманывая при этом японскую сторону (если задумка удастся, можно будет хорошо заработать — вот и вся недолга!)» . Все-таки не могу согласиться с японским Пикулем, который однозначно окрасил в черный цвет ту давнюю историю с отказом японцев принять северного соседа. В ней остается много неясного. Конечно, японцы могли отнестись к визиту русских в соответствии с поговоркой «Незванный

гость хуже татарина». Многие тогда не поняли истинных мотивов прихода к японским берегам «северных варваров», а потом еще Хвостов и Давыдов наломали дров на Южном Сахалине и Курилах. Отрывка этих непростых отношений сохраняется и сегодня: отношения между Россией и Японией далеки от идеальных. Как мне кажется, деятели обеих стран недостаточно понимают культурные реалии прошлого, да и настоящего также. Постоянно ищут подтверждения своим амбициям, а может быть, все гораздо проще...

Пока же татарин в моем лице отправился дальше разбираться с русскими страницами Нагасаки и наслаждаться видами города.

ДЕНЬ 23-ИЙ

Еда, или как мы понимаем японцев

До обеда без устали стучал на компьютере и рылся в Интернете. Увы, ничего нового и интересного о русских в Нагасаки не нашел.

Сегодня намечена прогулка в отдаленный городской район. Чтобы не терять времени и сэкономить силы, поехал на трамвае. Пассажиров было немного, и свободных мест предостаточно. Кстати, в японском общественном транспорте строго соблюдается принцип уважения к старости и немощи. Замечал, как уставшие японцы, присевшие было на сиденье под надписью «для инвалидов, беременных или пожилых», сразу же вскакивали, увидев людей из этой категории. Подавляющее большинство автобусов и трамваев снабжено особыми устройствами, облегчающими вход инвалидам, а тех,

кто на коляске, сразу же окружает заботой водитель.

Соседом оказался словоохотливый мужчина лет семидесяти:

— Откуда? О, из России?! Нравится здесь, а чем занимаетесь?

Мой собеседник оживился, узнав, что я копаюсь в русской истории Нагасаки.

— Я об этом почти ничего не знаю, хотя и родился здесь, — сказал он. — Но о Русско-японской войне, конечно же, читал. Хорошо помню и тот день, когда взорвалась атомная бомба. Тогда у меня погибло много родственников. Грустно вспоминать об этом...

К сожалению, разговорчивый японец вскоре вышел.

Культуру другого народа проще всего понять через его кухню. Пожив в Японии, приходишь к выводу, что японская еда — это очень непросто. Нагасакская же кухня особенна, так как в ходе развития международных контактов она вобрала в себя немало западных черт. Более того, именно с Нагасаки началось распространение по Японии многих продуктов, каких японцы раньше и не пробовали: хлеба, сыра, молока, вина. Когда в Нагасаки поселились первые иностранцы, португальцы, их японские жены и слуги научились готовить пищу по-европейски. Затем, под влиянием священников-миссионеров традиции заморской кухни быстро усвоили японские приверженцы христианства. Культура европейцев, «южных варваров», как их называли японцы, мало-помалу приобретала популярность, ее находили более прогрессивной, а потому старались следовать ее законам.

Найти местечко для хорошей трапезы в Нагасаки, как и в других японских городах, не составляет никакого труда. Наиболее низкие цены в китайских ре-

сторанчиках, которых здесь немало. По совету знакомых японцев я иногда заглядывал в один из наиболее известных — «Ko:zanro:» 高山楼, расположенный на улице Shinchi-machi. Он славится лапшой в китайском стиле *champon*, которая подается в бульоне с овощами, а также жареными мясными пельменями *gyo:za*. Надо отдать должное местным поварам: они готовят отличные блюда. Одним из самых дешевых европейских ресторанов считается «Karuda» カルダ, где к услугам посетителей итальянская кухня — около 50 сортов пиццы и 20 разных паст.

Старался заглядывать и в ресторанчики около исторических достопримечательностей: вдруг обнаружу что-то такое, что связано с моими героями. Однажды поздно вечером заскочил в ресторан «Dejima Wharf», расположенный у самой бухты. Большие деревянные террасы были заполнены гостями. Город сверкал в ночи огнями, а вот бухта казалось почти безлюдной. Я занял место в уголке и попросил принести саке.

От голландских и португальских торговцев японцы впервые узнали о хлебе. У португальцев был позимствован и рецепт. Они называли такой хлеб *castilla*, но японцы не могли выговорить звук «л», и это слово превратилось в *castera*. Сейчас и слово, и продукт видоизменились: *kasutera* означает разновидность кондитерского изделия, похожего на кекс. Это своего рода нагасакский сувенир. Как-то, зайдя в кондитерскую «Fukusaya» в торговом комплексе вокзала Нагасаки, поразился их обилию и разнообразию. Даже мелькнула мысль купить такой сувенир для Владивостока, но потом отбросил: пока доберешься через всю Японию до дома, от сдобного пряника останутся только крошки.

Диалект Нагасаки до сих пор включает в себя боль-

Русская булочная в Нагасаки

шое число португальских слов той поры, например, хлеб рап от португальского рао, или vidro (стекло). Правда, второе понятие теперь распространяется больше на художественные изделия из стекла. От португальского bolo произошло название японского другого кекса maruboro, от alfeloa — ириски aruheito, португальский бисквит biscoito стал японским bisuketto и т.д.

Русские эмигранты также оказали влияние на японскую кухню, прежде всего на расширение популярности хлеба. Выходцы из России открывали первые булочные, выпекали пирожки. Способствовали пропаганде русской кухни и японские военнопленные, возвращавшиеся из Советской России: некоторые из них открывали русские рестораны. В таком ресторане «Харбин» мне удалось побывать несколько раз. Наряду с европейскими, китайскими и японскими блюдами там име-

лась русская еда, в частности, под названием «борщ». До сих пор не пойму, почему японцы так называли очень густой овощной суп со сладковатым вкусом. В меню были и пирожки. Они появились в некоторых ресторанах Японии еще перед Второй мировой войной. Однако японские пирожки все-таки отличаются от русских. В Японии их почти всегда жарят, а в качестве начинки используют фарш с луком и «харусамэ» (вермишель из бобовой муки). Японцы заменяли на свои, более привычные, первоначальные ингредиенты и в других блюдах, заимствованных у иностранцев. Поэтому можно сделать вывод, что культурные традиции других стран воспринимались в Японии по выбору и вкусу японцев.

Завзятый русский турист может спросить, а где в Нагасаки лучше всего совершить покупки. Прежде всего, советую побывать в основном торговом центре-пассаже «Наманао-мачи» 浜野町. Его невозможно обойти даже за несколько часов. Здесь огромное количество всяких магазинов и магазинчиков, модных бутиков, кафе, аптек и других торговых точек. Что примечательно, в течение всего года в них ведутся разного рода распродажи, чем широко пользуется население Нагасаки и многочисленные туристы.

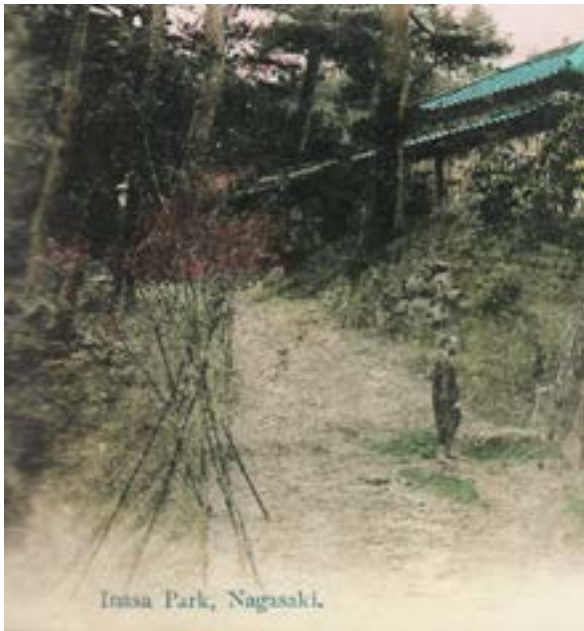
ДЕНЬ 24-ЫЙ

По местным кладбищам

Время отъезда приближается и, чтобы не комкать последние дни, решил заранее попрощаться с некоторыми районами. Вначале отправился в Kazagashira Park, который находится недалеко от моего дома. Поднявшись на

гору, на которой находилась огромная статуя Sakamoto Ryoma, знаменитому самураю времен Реставрации Мейдзи, еще раз охватил взглядом город. Солнце уже заходило за гору Инаса, и его косые лучи оставляли золотые блики на кронах деревьев. Нагасаки лежал передо мной, как на ладони. Полюбовавшись величественной панорамой, я перешел на другую сторону горы и попал ...еще в один большой город, город мертвых. Оказалось, что этом склоне располагалось несколько кладбищ. Нетрудно предположить, что лежавшие здесь люди встречались при жизни с моими соотечественниками.

Почти каждый историк, занимающийся полевыми исследованиями, много времени проводит на кладбищах, разыскивая последний приют своих героев. Немало времени уделял этому и я, поэтому в некоторых городах кладбища знаю куда лучше, чем самые известные достопримечательности. Япония же, в том числе Нагасаки, — случай особый. Чтобы получше узнать город, старался спускаться со своей сопки и возвращаться на нее разными путями. И всякий раз моя дорога проходила мимо какого-нибудь крохотного кладбища, которое совершенно мирно соседствовало с жилыми домами. Известно, что в последнее столетие в Японии из-за нехватки земли, а также буддистских традиций покойников принято кремировать. Так что современное японское кладбище представляет собой скопление на небольшом клочке земли разнообразных каменных памятников, порой весьма затейливых, под которыми покоится чей-то прах. Что примечательно, почти каждый памятник имеет специальное место — выступ или нишу — для цветочной вазы, в которой обязательно размещены цветы — чаще всего не простой букет, какой нарвали бы мы, а причудливо оформленная ком-

Открытка с изображением Парка Инасы

позиция из нескольких цветков.

Популярность искусства цветочной аранжировки икэбана (生け花) давно уже перешагнула границы Японии и распространилась по миру. Изысканные композиции из цветов, веток и других материалов неизменно привлекают внимание всех, кто неравнодушен к красоте. Точное происхождение этого вида искусства неизвестно, однако отмечается его связь с традицией украшать алтари буддистских храмов большими букетами цветов в вазах, которую переняли у китайцев в 6 веке. Это положило начало одному из стилей — рикка — стоящие цветы. Он считается классическим и наиболее торжественным. Как правило, при такой аранжировке используется несколько видов деревьев или цветов, а

для создания фона вокруг центральной ветви ставятся несколько дополнительных. Стил ь рикка - это попытка представить природу в миниатюре; такую икебану можно назвать комнатным «ландшафтным» садом. Хорошо она вписывалась и в кладбищенскую реальность, в которой имеется огромное количество самого разнообразного камня, который как раз и оживляется этими композициями. Можно только подивиться тому, как изыскано потомки почитают своих предков. По цветам даже можно представить, что это были за люди. Кстати, цветы не обязательно живые. В последнее время все чаще появляются очень искусно сделанные цветы из шелка. Выглядят они совсем как настоящие, но не только не вянут, но даже не выцветают под солнцем.

Как особый вид прикладного искусства икебана складывается к середине 15 века. Восьмой сёгун Асикага Ёсимаса (1436—1490) совместно с художником Соами (?1472 — 1525) упростили сложные правила «рикка», создав новый стил ь икебаны, получивший название «сэйка» (живые цветы). Некоторые называют его еще стилем «небеса-земля-человек» (или «тэн-ти-дзин»). Самой удачной формой при этом считается треугольная композиция, составленная на основе трех принципов: главного (небеса, или тэн), вспомогательного (земля, или ти) и подчиненного (человек, или дзин). Некоторые школы икебаны называют эти принципы по-другому. Любая аранжировка, не основывающаяся на этих принципах, считается «мертвой». Время от времени я замечал японцев, которые не спеша возились около семейных усыпальниц, очищая их и любовно украшая. По лицам было видно, что этим они не только подчеркивают особое уважение к предкам, но как бы общаются в это время с ними.

В конце 16 века появился более свободный стиль аранжировки «нагэирэ» (вбрасывание). Его появление связано с созданием чайных домиков, которые украшались мастерами чайной церемонии менее формальными композициями из цветов. Позже появилось много школ различных направлений, были разработаны разнообразные способы аранжировки цветов, которые можно условно разделить на два вида: формальный (канонический) и натуралистический (естественный).

При составлении композиций используются разные приспособления для фиксирования цветов: деревянные затычки, прищепки или проволока. Кстати, не меньшее значение, чем сами цветы, имеет емкость, в которой они размещаются. Это подчеркивает общий термин каки (花器), котоый означает вазу для цветов, корзину, контейнер и прочее. Иносказательно они представляется «землей», в которой «естественным путем» находится та или иная аранжировка.

Каждый раз, замечая на кладбище замысловатую вазу с какой-то особой композицией, удивляюсь тому, что никто не пытается их утащить. Память о предках, даже чужих, для каждого японца табу. Однажды вместо памятника увидел мраморную скульптуру собаки, изумительную по точности исполнения. Издали мне показалось, что она машет головой. Рискнул подойти и потрогать: и в самом деле, голова двигалась, а ведь владельцы, устанавливая это произведение искусства, достойное престижной галереи, на кладбище, даже не задумывались о том, что оно может куда-нибудь «убежать». Конечно, печать времени и забвения носят и японские кладбища. Но чаще всего даже на замшелых памятниках, вид которых хорошо говорит о почтенном возрасте, не заметно следов разрухи.

Меня частенько поражала сохранность русских памятников в Стране восходящего солнца. Большинство надгробий относится ко времени Русско-японской войны. Казалось, японцы близки по религии китайцам, но вот отношение к могилам немного другое. Сохранение русских могил — привилегия победителей? А может быть, все дело в том, что мы все-таки соседи?!

Тем временем извилистая бетонная тропка уводила меня куда-то, как мне показалось, в прошлое. Вот на одном из памятников прочитал, что здесь похоронен бывший губернатор Нагасаки, который «проспал» в 1808 г. английский корабль «Фаэтон». Бедолага — ему

пришлось сделать сэппоку.

Но вот кладбище осталось позади, а я вышел на небольшую улочку с крошечными домиками. Ну как не заглянуть во внутренний дворик и не посмотреть, как же он украшен? Тут, конечно, и обычные цветы в горшках, и карликовые деревца-бонсай, и та же икебана, но наиболее естественной аранжировки - *pageire* (投げ入れ). В композициях этого стиля никаких искусственных приспособлений, таких как проволока или зажимы, не применяют. Цветы аранжируют в специально подобранной вазе, которую затем подвешивают под карнизом. В этих композициях стремятся не к прямому подражанию природе, а к символическому отражению того или иного ее состояния.

Конечно, в Нагасаки популярен стиль морибана (盛り花), отражающий влияние контактов с Западом. Он возник после того, как Япония установила связи с ев-

ропейскими странами, что повлекло изменение стиля японского жилья. Для морибаны характерны естественность выражения и свобода в выборе сосудов для аранжировки, хотя в основе по-прежнему лежат три принципа: небеса-земля-человек. Характерной особенностью такой композиции является использование плоских сосудов, внутри которых находится металлическая подставка с иголками, на которые накалывают цветы и ветки.

Стилей цветочной аранжировки множество. Можно сказать, что каждая школа икэбана, а их в настоящее время насчитывается более трехсот, имеет свою собственную систему стилей. Большинство из них опирается на традиции прошлого с добавлением некоторых современных элементов. Конечно, совсем не хватает времени, чтобы хорошо познакомиться с японской культурой, в которой весьма причудливо смешались синтоистские и буддистские воззрения с непростой историей и географией страны. Если японцы с древних времен были готовы встретить смерть в природных катаклизмах, то надо ли удивляться тому, что она их совсем не пугала и во время воинских баталий? В простоте камне японцы видят вечность, в которой скрывается душа, а близость к природе — это биение жизни...

ДЕНЬ 25-ЫЙ

По синтоистским и буддистским храмам

Дважды в день, отправляясь из своей квартиры на полевые исследования и возвращаясь домой, обязательно прохожу мимо какого-нибудь храма. Ими усе-

яно все подножье горы. Большие, поменьше и совсем маленькие, они опоясывают гору, и подняться на нее можно не иначе, как только пройдя по их территории. В свое время Иван Гончаров заметил: «Не думайте, чтобы храм был в самом деле храм, по нашим понятиям, в архитектурном отношении что-нибудь господствующее не только над окрестностью, но и над домами, — нет, это, по-нашему, изба, побольше других, с несколько возвышенною кровлею, или какая-нибудь посеревшая от времени большая беседка в старом заглохшем саду. Немудрено, что Кемпфер насчитал такое множество храмов: по высотам их действительно много; но их, без трубы, не разглядишь, разве подъедешь к самому берегу, как мы сделали в этой бухте».

Решил заглянуть в буддистский храм Дайондзи, тот самый, что описывал в свое время Всеволод Крестовский. «Мы очутились перед входом в главные крытые ворота, ведущие в ограду храмного двора. Здесь находятся отдельные часовенки, где за решетчатыми окнами вы видите изваянного и резного из дерева Будду, сидящего в цветочной чашечке лотоса, и раскрашенных истуканов каких-то святых и героев. Тут же, рядом с одной из таких часовенок, бритоголовый старый бонза под циновочной сеткой продает с прилавка амулеты и талисманы, вешаемые на шею, разные четки, символы оплодотворения, скрытые в изящной форме нежно разрисованного раздвижного яблока или абрикоса из китайского крепа, жертвенные свечи и курительные палочки, тонкие облатки из рисового теста, разные священные изображения на тонких бумажных листах, душепоспасительные книжки и молитвы.

Священные врата главного входа, как и в синтоистском храме, изобильно изукрашены позолотой, краска-

Храм Дайондзи в Суве

ми и очень изящной резьбой по дереву: какие-то листья, цветы, гирлянды, драконы и т.п. Внутри ограды, на главном дворе — такие же многовековые деревья, как и в Сува; между ними в особенности замечательны массивные японские сосны с искривленными стволами и прихотливо, даже как-то фантастически изогнутыми и вывернутыми ветвями. Говорят, что это достигается искусственным путем, когда дерево находится еще в раннем периоде своего развития. Дорожки во дворе тщательно вымощены массивными гранитными плитами; остальное пространство двора отлично утрамбовано мелкой щебенкой. Повсюду чистота замечательная, просто идеальная. Двор и здесь, как в Сува, украшен изящными из камня массивными фонарями и древними бронзами в виде больших, выше человеческого роста, чаш-курильниц и пары корейских львов, сидя-

щих на каменных цоколях и охраняющих проход к храму. Изваяния подобных львов, называемые кома-ину, первоначально, говорят, были вывезены из Кореи и распространены по храмам Японии знаменитой покорительницей Корейского полуострова Императрицей Цингу, изображение коей можно видеть на бумажных иенах, выпускаемых государственным банком Токио.

И вот мы уже пред самым храмом Дайондзи, со ступенек коего спустился дежурный бонза и, узнав, что мы желаем осмотреть эту буддийскую святыню, тотчас охотно предложил свои услуги в качестве путеводителя. Я окинул взглядом общий наружный вид храма. Корпус, конечно, весь из дерева, на каменном, несколько возвышенном основании, с выступающим вперед дуговидным фронтоном, который покоится как крыльцо над каменной лестницей на четырех поставленных в ряд деревянных колоннах. Высокая массивная кровля из серой цилиндрической черепицы с разными украшениями, сложенная таким образом, что черепицы эти представляются непрерывными рядами коленчатых бамбучин, широко покрывает своими выгнутыми скатами и приподнятыми выступами все это здание с окружающей его галерей, но в общем отнюдь не давит его; напротив, все это одно с другим очень гармонирует, сохраняя как в целом, так и в деталях вполне самобытный тип и художественно выработанный стиль, полный своеобразной красоты, какой нигде, кроме Японии, не встретишь. В углах, по обе стороны фронтальной лестницы, посажены священные пальмы, а вверху из-за кровли выглядывают высокие кедры и раскидистые сосны. Хорошо, красиво, уютно, и все вместе исполнено какой-то гармоничной тишины и безмятежно ясного спокойствия. Надо отдать справедливость, место для

храма выбрано как нельзя поэтичное.

Бонза-путеводитель любезно предложил нам снять и оставить у входа нашу обувь, после чего мы были введены в одну из боковых дверей во внутрь храма. Дощатый пол его, донельзя вылощенный и даже лакированный, был покрыт толстыми, эластично мягкими циновками отменной чистоты и замечательно изящной выделки. Два ряда резных деревянных лакированных колонн разделяют внутренность храма на три продольные части, из коих средняя значительно шире боковых. В каждом из этих отделов с потолка, разбитого балками на квадратные позолоченные клетки, спускается множество самых разнообразных фонарей: бумажных, шелковых, стеклянных и ажурно-бронзовых самой причудливой формы, начиная с простейшей складной цилиндрической до шарообразных, ромбовидных, шести- и восьмигранных и тюльпановых. Одни из них

были громадны, другие средней величины, третьи маленькие, и все вообще ярко, но изящно расписаны разноцветными узорами и знаками японского алфавита или украшены по стеклу матовым рисунком. Фонари эти, на определенных местах, частью группируются как бы в целые люстры и со вкусом подобранные букеты, частью висят отдельно или парами, но все это с соблюдением строгой симметричности и при том необходимом условии, чтобы в общем оно представляло красивую картину.

Главный алтарь находится в глубине среднего отдела. Передний план пред алтарем занят так называемым «колесом закона» и музыкальными инструментами, используемые при буддистском богослужении. Здесь стоят разной величины там-тамы, металлические тарелки, как у наших военных песенников, пара гонгов и несколько барабанов, от самого маленького, издающего металлический звук, подобный колокольчику, до громадного, повсюду разрисованного золотом и красками барабанища, на особой подставке, который гудит и гремит столь громоподобно, что с ним не сравнятся никакие наши литавры. Что до «колеса закона» (по-японски ринсоо), это тоже род барабана, вращающегося на внутренней вертикальной оси; на ободе его плотными рядами утверждены свернутые свитки священных книг «благого закона» и весь ритуал буддизма. Это — остроумное изобретение первосвященника Фудайзи, пришедшего некогда из Китая. Каждый добрый буддист, по установлению позднейших учителей и истолкователей этой религии, обязан ежедневно прочитывать весь благой закон и в особенности благослужбные книги оного, что на их метафорическом языке обозначается выражением «обернуть колесо закона». Но так как

это невозможно физически, ибо для внимательного прочтения буддийских книг нужны не дни, а годы, то первосвященник Фудайдзи, не желая, чтобы последователи «благого закона» могли укорить его истолкователей в противоречии поставляемых им требований со здравым смыслом, ухитрился дать их знаменитой фразе просто буквальное истолкование на самой реальной почве и притом в чисто механическом применении. С этой целью он и придумал барабанообразное колесо, которое достаточно раз обернуть вокруг, чтобы буквально исполнить требование отцов-истолкователей. Ученики Фудайзи, в награду за свое благочестие и смотря по степени последнего, получали от него разрешение обернуть ринсоо на четверть круга, на полкруга, и только в редких, исключительных случаях, в виде величайшей милости, разрешалось тому или другому из них сделать полный оборот колеса. С тех пор это считается столь же важным, благочестивым делом, как прочесть громко от начала до конца все священные книги. Изобретение Фудайзи, вещь в высшей степени удобная, охотно было принято буддийскими жрецами во всей Азии и, получив самое широкое применение, оказалось для них очень выгодным делом: жрецы стали просто торговать правом верчения ринсоо, продавая его богомольцам по известной таксе за четверть круга, полкруга и т.д. В настоящее время, вследствие вообще некоторого упадка благочестия, это стоит даже очень дешево, так что богомольный любитель за какие-нибудь десять — пятнадцать центов может хоть каждый день доставлять себе благочестивое удовольствие, а заплатив несколько больше, вертеть сколько ему угодно» .

Однажды зашел в знаменитый храм Daitokuji Temple, чтобы поискать следы одного из соотечественников, но

мне отказали: книги посемейной записи и актов гражданского состояния в буддийских храмах недоступны из-за права неприкосновенности частной жизни в Японии. Мое внимание тогда привлекли необычные шкафчики, предназначения которых не мог понять, пока не объяснили: это персональные маленькие кумирни. На дверце шкафчика красуется герб семьи, которой он принадлежит, а внутри имеется табличка с именами предков. Не о них ли писал Крестовский: «Из главного храма нас провели небольшим коридорчиком в особый придел, посвященный памяти умерших. Здесь у задней стены, во всю ширину этой часовни, поставлен большой длинный стол, от которого пологими ступнями идут вверх, почти до потолка, такой же длины полки, сплошь заставленные снизу доверху рядами небольших двустворчатых киотиков. Эти последние сделаны все из дорогих сортов дерева, снаружи наведены черным японским лаком, а внутри вызолочены и заключают в себе разные священные изображения чрезвычайно тонкой работы из слоновой кости, бронзы, серебра, а более всего дерева. Перед каждым киотиком на дощечках написаны имена умерших.

Деревянная лестница ведет из этого предела в верхний этаж, где находится подобная же часовня, но только посвященная памяти японских императоров. Хотя императоры, как первосвященники культа Синто или Ками, обязательно исповедуют эту государственную религию, но она с течением времени, как уже сказано, освоилась и даже переплелась с буддизмом. В силу давным-давно уже устоявшегося обычая, после смерти каждого микадо его вдова или наследник обязательно присылают в Дайондзи киотик и пару скрижалей с именем покойного властителя. Почти все из

императорских киотиков представляют замечательные образцы изумительно тонкой, артистичной работы, где достойно спорят между собой искусства резчиков, лакировщика, инкрустатора, художника-миниатюриста и каллиграфа. Это такой музей национально-религиозного японского искусства, какой вряд ли где можно еще встретить в подобном хронологическом порядке и количестве образцов» .

Почти все древние храмы, в особенности синтоистские, бывают окружены священными рощами или вековыми парками. Огромные деревья, камфорные или криптомерии, пышно цветущие кустарники придают неповторимое очарование месту. Это отмечали в своих воспоминаниях и русские люди, посетившие Японию в 19— начале 20 веков: «Всюду, где мне приходилось быть, в Токио, Киото, Иокогама, Кобе, Осака, Нагасаки, я с удовольствием посещал древние японские храмы и наслаждался прелестью их священных садов, столь разнообразных и интересных по составу. Храмы эти всегда расположены в живописных местах, среди леса, скал и горных ручьев, под сенью наиболее роскошных и величавых представителей японской флоры».

ДЕНЬ 26-ПЙ

Библиотека музея и ночной Нагасаки

Утро началось с ливня, и поездку на кладбище пришлось отложить. Только разложил бумаги, как услышал дверной звонок. Опять пришел мой услуж-

ливый полицейский и вручил пакет от Кимура-сан, сопровождая это простое действие все теми же раскланиваниями. Он уже выучил два слова: здравствуйте и до свидания. Мы очень мило с ним попрощались.

Работе в библиотеке музея дождь, к счастью, не мог помешать. Решил посвятить день англоязычным газетам, выходившим в Нагасаки. Они содержат бесценную информацию о жизни этого города и его иностранной общины. Первую иностранную газету, «Nagasaki Shipping List and Advertiser», выпустил британский подданный Альберт Хэнсард (Albert Hansard) 22 июня 1861 г. Название ясно говорило о задачах издания: давать информацию и рекламу о морском сообщении. Тот факт, что больше половины рекламы касалось Шанхая, свидетельствует о подчиненной роли, которую играл в те годы иностранный селтльмент Нагасаки по отношению к более крупному и старому бизнесу в Китае. Газета также сообщала местные новости, например, о спуске на воду «Фантома», первой японской яхты, или о первом европейском пароходе, построенном в Японии шотландским плотником Джеймсом Митчелом (James Mitchell). Газета выходила два раза в неделю до 1 октября 1861 г., пока Хэнсард не перевез свой печатный станок в Иокогаму, основав там новое издание — «Japan Herald».

Следующая газета на английском языке «Nagasaki Times» появилась в 1868 г., но выходила всего год. На смену ей пришел «Nagasaki Shipping List», который продержался лишь несколько месяцев. Наиболее долговечным изданием оказался «Nagasaki Express», появившийся 15 января 1870 г. и служивший иностранным жителям Нагасаки почти 60 лет — до 1928 г. Его редакто-

ром был португалец Филомено Брага (Filomeno Braga), который до этого выпускал газету в Кобе. «Nagasaki Express» помещал информацию о судоходстве, деловые и банковские отчеты, статьи на местные темы, церковные извещения, письма к редактору. В этой газете, в частности, сообщалось о прокладке в 1871 г. первого телеграфного кабеля, связавшего Японию с границей, от Нагасаки до Шанхая, и размещалось первое объявление о начале приема телеграмм. Газета публично критиковала японское правительство за высылку в 1870 г. около трех тысяч нагасакских христиан в другие части страны и таким образом способствовало возрождению христианства в 1873 г.

С расширением контактов с иностранцами в Нагасаки появились и другие англоязычные газеты — «Nagasaki Gazette», «Nagasaki Shipping List» и «Rising Sun». Первая газета и новый вариант «Nagasaki Shipping List» скоро закрылись, а «Rising Sun» и «Nagasaki Express» в мае 1874 г. слились в единую газету под названием «Rising Sun and Nagasaki Express». Выходя еженедельно, она служила иностранным жителям Нагасаки в течение более двадцати лет — до сентября 1897 г., выпустив почти тысячу номеров.

В период 1894—1897 гг., когда иностранный бизнес в Нагасаки процветал, распространялись еще четыре газеты на английском языке: «Cosmopolitan Press», «Kiushu Times», «Nagasaki Observer» и третий вариант газеты «Nagasaki Shipping List». Ф. Рингер, самый влиятельный бизнесмен в Нагасаки, купил обе газеты — «Rising Sun and Nagasaki Express» и «Nagasaki Shipping List», объединив их в новую ежедневную газету «Nagasaki Press», первый номер которой вышел 6 сентября 1897 г. В отличие от предшественниц, эта га-

зета больше внимания обращала на мировые новости, нежели на события местной жизни. Через несколько лет Рингер постарался исправить это упущение, начав издавать в сентябре 1904 г. 12-страничное ежемесячное иллюстрированное издание «Cherry Blossoms», в котором печатались статьи об истории и культуре Нагасаки и его окрестностей. В 1908 г. вышел последний, 37-й номер этой газеты.

Что касается «Nagasaki Press», она выходила каждый день до 31 июля 1928 г., пока мировой экономический кризис и уменьшение численности иностранного населения Нагасаки не вынудили издателей закрыть газету. Всего вышло 9 118 номеров. Кстати, зять Ф. Рингера Вилмот Льюис (Wilmot Lewis) считался наиболее известным иностранным издателем в Нагасаки. Во время Русско-японской войны он был аккредитован британской прессой как военный корреспондент, а позже работал в Лондоне в редколлегии «Times» и возведен в рыцарское звание за работу корреспондентом в Вашингтоне в период Первой мировой войны.

Посидев над газетами, отправился посмотреть сам музей. Он устроен в виде выставок, размещенных в двух огромных залах. Один посвящен искусству, другой международным связям. Есть отдельная экспозиция, рассказывающая о деятельности местной власти. Сняв обувь, походил по залам. Мне выдали наушники, через которые сообщили на английском языке много всякой информации. Из русских, посещавших Нагасаки, отметили только одного Николая Резанова. Здесь могли бы храниться и коллекции Георга фон Лангсдорфа, собранные на Камчатке и в Японии, или рисунки, сделанные им во время первого посольства в Японию. На Дальнем Востоке началась блестящая научная карьера этого

естествоиспытателя, который известен как основатель Зоологического музея в Петербурге. Правда, он не опубликовал ни одной работы на русском языке: основные его труды увидели свет на немецком, португальском, испанском и английском языках. К сожалению, коллекций и рисунков академика Лангсдорфа нет и в Российской академии наук: ученый увез их в г. Фрейбург, куда отбыл в начале 1830-х гг. В архивах России сохранилась лишь его объемная переписка с коллегами по всему миру и сотрудниками РАК.

Выйдя на жаркий воздух, обошел музей со всех сторон. Здание выглядит старинным, таким, каким его видели первые иностранные жители Нагасаки. Особенно впечатляет массивный каменный фундамент, но он, как и все здание, новодел. От старых построек остались бомбоубежища, расположенные рядом с музеем. В них можно зайти, там горит свет, сухо, чисто и пусто. Представлял, во что превратились бы эти помещения у нас.

Немного погулял по городу. Я влюбился в Нагасаки.

Морской Дом в Нагасаки

Может, оттого, что он похож на Владивосток, только гораздо более ухожен и комфортен. И, наверное, менее тороплив. С виду, жизнь здесь спокойная и неспешная, не видно суеты, не слышно нервных перебранок. Что же получается, японцы никуда не спешат, никогда не нервничают и не ссорятся? Вероятно, все это есть, но происходит незаметно для постороннего глаза. Еще в глубокой старине общинная жизнь приучила японцев к сдержанности, тактичности, умению обойти острые углы.

Владельцы лавочек начинали закрывать свои заведения, продавщицы убирали с улицы товар. На тротуарах оставались только овощные лотки: они работают дольше, дотемна. Через приоткрытые двери видно, что хозяева живут здесь же, сразу за крохотным торговым зальчиком. Вся семья в сборе: около двери несколько пар обуви, обращенной носами к выходу. Виден ответ телевизора, работающего в глубине комнаты, а кое-где уже заметен и краешек futона.

Что ж, пора домой и мне. Только направился в сторону своей горы, как услышал крики: «Оо-ийо». Вижу, от близлежащего храма, набирая скорость, вниз по склону несется лодка на колесах, которую окружают крепкие парни. В лодке сидят дети, которые и кричат во все горло. Сделав снимок, пошел дальше, раздумывая, не вернуться ли и не разузнать поподробнее, что же это за забава такая. Возвращаться не пришлось. Подходя к следующему храму, услышал возню: из большого гаража выдвигали такую же лодку. В нее уселись семеро ребятишек, которых перед этим проинструктировал пожилой японец. Шестеро забили в большие медные тарелки, а седьмой, на корме, ладно заколотил в огромный барабан. Я подумал, что это сигнал, и поспешил за ними. Временами процессия набирала скорость, лихо разворачиваясь на перекрестках все под те же громкие крики и звон литавр. Я подумал было, что они направляются в сторону бухта. Нет, через полчаса все остановились на одной площадке, где началось что-то вроде репетиции. Двадцать крепких мужиков вертели телегу, кто-то мощно вращал колесо непонятного назначения. Потом появились две красные рыбы и две черные. Их пытались поймать сеткой все под те же громкие звуки и крики.

Жители Нагасаки часто говорят, что в их городе очень много «сака, хака и бака», то есть холмов, кладбищ и (дословно) дураков, в данном случае имеются в виду любители уклоняться от работы и праздновать по любому поводу. И в самом деле, календарь городских событий круглый год заполнен празднествами, следующими один за другим. Главным же из праздников считается «Нагасаки кунти» . Обычно религиозные праздники-мацури проводят по всей Японии после

окончания уборки урожая. Но у «Нагасаки кунти» изначально была иная задача. Он носил ярко выраженный антихристианский характер. Альтернативой многолюдным пасхальным процессиям, проходившим в Нагасаки с 1571 по 1614 гг., должно было стать что-то яркое, праздничное, притягательное для населения. Надобность в красочном мацури еще больше усилилась после восстания крестьян, вспыхнувшего в 1637 г. на соседнем с Нагасаки полуострове Симабара. Вызвано оно было непомерными грабительскими поборами властей, но восставшие объединились под христианскими лозунгами. Восстание было подавлено самым кровавым образом, а бакуфу (правительство сёгуна), жрецы синтоистской и буддийской религий объединили усилия для придания массовости и красочности праздничным шествиям, которые издавна проводились в Нагасаки в начале октября. Что интересно, с властями были солидарны содержатели местных публичных домов, испытывавшие некоторые неудобства, в том числе финансовые, от распространения христианской этики.

Одному храму Сува было трудно проводить подобные массовые мероприятия. Поэтому основные хлопоты были возложены на общины, объединявшие жителей городских кварталов. Их в городе в то время было одиннадцать. Каждый квартал был обязан в дни мацури выставить свою команду, соответственным образом одетую, экипированную и подготовленную. Другими словами, все участники празднества от определенного квартала должны быть одеты в одинаковые кимоно и привозить с собой во двор храма Сува дзиндзя празднично оформленную колесницу, на которой размещались музыканты, дети или некие символы вроде огромных рыб, птиц, мифических существ. Более того,

каждая команда обязана была представить зрителям свой танцевальный номер. (Заметьте, это решение относится к 1672 г., когда о знаменитых карнавалах в Рио-де-Жанейро не было и речи!)

Вопросы престижа — у кого одежда ярче и колесница богаче — немало волновали горожан. Командам приходилось месяцами, до полугода, готовиться к предстоящему мацури, что для работающего населения становилось серьезной обузой. Поэтому решено было в рамках каждого квартала создать по семь команд, чтобы каждая группа танцоров принимала на себя тяжесть подготовки к выступлению раз в семь лет. В результате в городе было создано 77 (!) отдельных команд. У каждой имелся собственный стиль выступления, свои методы развлечения зрителей. Так что для знакомства с полным творческим арсеналом всех участников «Нагасаки кунти» потребовалось бы приезжать в город семь лет подряд.

За несколько дней до праздника все участники будущего парада раскрывают свои дома для осмотра. На обозрение всех желающих выставляются наряды, веера, обувь, украшения, колесницы — все, имеющее отношение к предстоящему мацури. Этот обычай под названием Нива-мисэ (показ сада) связан с тем, что в годы борьбы с христианством правительственные чиновники обходили дома участников праздника, чтобы убедиться в отсутствии там икон, крестов, библий и прочих запрещенных предметов культа.

Со временем к празднующим японцам присоединились и голландские купцы, основавшие в гавани Нагасаки торговую факторию. Голландцы исповедовали протестантские догмы, не предусматривающие миссионерской деятельности среди инаковерующих. Поэто-

му они легко заполнили нишу, образовавшуюся в городе после изгнания португальских купцов. Приехавший в Нагасаки в 1690 г. немецкий натуралист и историк Энгельберт Кемпфер отмечал в своих дневниках, что участие голландцев в празднике «Нагасаки кунти» стало «устоявшейся традицией». Активное участие в мацури со временем приняли и представители местной китайской диаспоры. Японские, голландские и китайские корни праздника в Нагасаки легко проследить, наблюдая за выступлениями отдельных танцевальных групп. Здесь присутствуют и традиционная японская хореография, и танцы драконов, и макеты старых голландских кораблей, взгроможденные на колесницы.

Праздник «Нагасаки кунти» проводится в течение трех дней: с 7 по 9 октября. Каждое выступление делится на три фазы. Начиная парад, на площадь выносят касабоко, нечто вроде огромного складного зонтика. Это тоже отголоски древней традиции: когда-то выход каждой группы предвещал человек с раскрытым бамбуковым зонтом, на котором было написано название квартала. Теперь касабоко выступает в качестве знамени квартала, и вид его заметно усложнился. Зонт украшают драгоценными тканями с вышивками и бахромой. Сверху прикрепляют ленты с монетами, стразами, колокольчиками, в результате чего вес касабоко достигает нескольких десятков килограммов. Знаменосец между тем должен, демонстрируя свою силу, не просто нести зонт, а покачивать и вращать его в такт музыке. Это, конечно же, требует немалых тренировок.

Вслед за касабоко катят колесницу. Чаще всего на ней восседают дети квартала, исполняющие нехитрые ритмические мелодии на барабанах и цимбалах. Эти звуки как бы задают такт рядам танцоров,двигающим-

ся вслед за колесницей. Примечательно, что каждой группе присущи свой танец и своя манера исполнения. Здесь сказываются последствия кровопролитной гражданской войны на полуострове Симабара: после жестокого подавления восстания и последовавшей за этим высылки христиан население Нагасаки заметно сократилось, и в город хлынули переселенцы из других районов страны, люди с иными культурными традициями. В каждой провинции, в каждой деревне пели и танцевали по-своему. Вот это-то разнообразие и придает «Нагасаки кунти» ни с чем не сравнимую прелесть.

Главная праздничная площадка по-прежнему сохраняется у храма Сува, на высоком холме, к вершине которого ведет длинная лестница из каменных ступеней. Там для зрителей возводят трибуны, заказывать места на которых приходится заранее. Не сумевшие забронировать себе лучшую точку обзора, не огорчаются. После выступления перед храмом группы расходятся по всему городу и дают представления в здании вокзала, на площадях, перекрестках, мостах, перед крупными магазинами. Все три дня город звенит литаврами и переливается яркими красками, а местные торговцы не успевают подсчитывать прибыли от продажи сувениров и еды. Ведь в дни «Нагасаки кунти» население города увеличивается на 350 тысяч человек за счет туристов.

Выбрав местом праздника храм Сува, власти хотели не только связать это событие с традиционной японской религией, но и поразить красотой места голландцев и китайцев, торговля с которыми приносила казне твердую валюту. Чтобы подчеркнуть значение храма, с 1638 г. главным моментом ежегодного праздника, проводимого в нем, стали представления театра Но как на-

ибо более блестящего достижения японской национальной культуры.

ДЕНЬ 27-ПЙ

Унзен, или Русский курорт в Японии

Дождь. Наверное, это влияние тайфуна, который, судя по новостям, проверяет свою силу на Токио и его окрестностях. Самое время ехать в Унзен, о котором так много читал в старинной газете «Владивосток». Сто лет тому назад этот курорт был одним из любимых и желанных для русских дальневосточников. В свое время здесь часто отдыхали и европейцы из Гонконга, Шанхая или Филиппин.

Как и прежде, название Унзен относится сразу к трем курортам с горячими источниками: Фуру-ю, Син-ю и Кодзигоку, расположенных на высоте чуть больше 700 метров над уровнем моря на склоне одноименной горы. В 1934 г. это место было объявлено национальным парком Unzen-Amakusa Kokuritsu-ko:en 雲仙天草国立公園. Он имеет площадь 255 квадратных километров и захватывает часть префектур Нагасаки, Кумамото и Кагосима. В дополнение к полуострову Симабара, где находится Унзен, парк включает в себя около ста островков, расположенных вокруг острова Амакуса. На сегодня это один из самых старых национальных парков на Кюсю.

Первыми в автобус не спеша садятся ветхие старушки с палочками и сумками. Вероятно, гостили у родственников в Нагасаки. Услужливый водитель по-

мог каждой зайти в автобус, подставив для них особую низкую табуретку.

Неожиданно прекратившийся дождь оставил после себя клочья тумана, повисшие в горных распадках. Эффектные пейзажи сразу напомнили сюжеты древних японских свитков. Море тоже в тумане. Мы его видим каждый раз, когда автобус выныривает из туннеля. С другой стороны, горной, всюду рисовые поля, расположенные каскадами. Бросается в глаза, как старательно, камешек к камешку, подобраны привальные стенки. Произведения искусства, не меньше! А земля красного цвета — сказывается вулканическое прошлое.

За час с четвертью доехали до Обамы, где вышли старики. Небольшой городок тянется вдоль моря. Берега очень хорошо защищены от цунами, впрочем, как и везде в Японии. Сразу же за чертой населенного пункта дорога завиляла по сопкам. Каскады полей вскоре сменялись мачтовым хвойным лесом. У дороги приметил указатель «Деревня дружбы» и своеобразную деревянную скульптуру: большое кресло-носилки. Вероятно, на таких доставляли в прошлом туристов на источники.

Многочисленные гостиницы курорта расположены на каменном плато площадью около 80 га. Эта местность когда-то представляла собой кратер вулкана, заполненного сольфатарами, грязевыми и водяными гейзерами. То там, то здесь видна белесая безжизненная почва, из которой вырываются клубы пара. А вокруг терпкий запах серы! Пара пожилых американцев, идущих впереди меня, то и дело восклицали:

— Дьявольское местечко, не так ли?!

Да, на первый взгляд вид у местности неприглядный, многократно описанный в Святом писании с иллюстрациями Густава Доре. Но на самом деле, это, по-

Курорт Унзен, Нагасаки

жалуй, одно из самых здоровых мест на планете. Из-за большой высоты и близости океана температура редко поднимается выше 27 градусов. В эту знойную пору, когда в Токио, Киото, Нагасаки плавился асфальт, здесь очень комфортно. Летнее обилие цветов уже соседствовало с желтизной, облившей некоторые деревья. И все же «дьявольские силы» время от времени дают о себе знать. В ноябре 1990 г. близлежащий вулкан Фугэн-дакэ высотой в 13888 футов, дремавший триста лет, вдруг проснулся и покрыл лавой и пеплом близлежащие окрестности. Не удалось избежать и человеческих жертв...

Вспоминая рекомендации прошлого, долго думал, в какой из многочисленных онсенов пойти. Взгляд упал на знакомое название: «Санье». Как часто бывает в таких местах, ванны находились при отеле, поскольку чаще всего японцы приезжают на источники не на один день. Но мне отель был не нужен. Заплатив тысячу иен, получил доступ внутрь. Очень прилично: бесплатные полотенца, холодный чай, бритва, различные шампуни — все это говорило о респектабельности заведения. Зал с ваннами совсем небольшой, на двенадцать персон. Три разных водоема в закрытом помещении, еще один под небом. Почти три часа наслаждался купанием, размышляя о своих героях, некогда бывавших здесь.

Выйдя из него, решил поискать местное кладбище. Где-то там был похоронен Галичанинов. Побродив по окрестностям, не нашел ничего похожего. Зато увидел, как в деревеньке шла торговля яйцами, сваренными здесь же, в бурлящем источнике. Реклама утверждала, что они укрепляют здоровье и продлевают жизнь. Купив пять штук (300 иен), разместился тут же перекусить.

— Вкусно? — спросила проходившая мимо старушка, своим видом напомнившая российских бабушек. Такая же сгорбленная от тяжести лет спина, в простеньком застиранном платье и с непременным фартуком.

Во время прогулки заметил еще один онсен, около которого толпились японцы. Здесь ванны стоили всего сто иен. Но комфорта, скорее всего, было поменьше.

Популярным местом отдыха является Симабара, лежащая в девяти с половиной километрах от Унзена. Именно сюда прибывали русские туристы из Нагасаки, а уж потом поднимались на носилках в Унзен. Если какой-нибудь пассажир хотел прокатиться на небольшом суденышке, то он мог увидеть незабываемый пейзаж из множества островков, покрытых соснами. Они будто бы сошли с картины художника. Островки носят название Цукумо, что означает «девяносто девять».

Основной достопримечательностью Симабары является замок, построенный семейством Мацукура в

17 веке. Основная башня прошла капитальную реставрацию в 1964 г. и теперь восхищает многочисленных туристов своей красотой, филигранностью отделки и исторической достоверностью. Так и кажется, что в выставочный зал с раритетами ворвутся самураи и начнут рубить налево и направо всех «южных варваров»-иностранцев. Среди экспонатов музея немало картин, изображающих гонения на первых христиан.

Другая достопримечательность — замок Хаара, расположенный в 32 километрах от Симабары. Именно здесь произошла одна из основных битв между первыми японскими христианами и сегунатом Токугава. Впрочем, некоторые историки отрицают религиозную подоплеку события, а говорят о том, что причиной японской «пугачевщины» стал гнет налогов и властей. Японский пугачев Амакуса Сиро, христианин по вере, держал оборону замка до конца, но, конечно, не мог выстоять против сотысячной армии сегуна. Позднее подсчитали, что всего было уничтожено 37 тысяч восставших, а преследование иноверцев после этого стало более жестоким. Все-таки этот район заслуживает названия «дьявольского»!

ДЕНЬ 28-ПЙ

Японцы и их культурные ценности, или заглядывая в нагасакские палисадники

Мое пребывание в Нагасаки постепенно шло к завершению. Самое время просто походить по городу, вдыхая в себя прошлое, а заодно и задуматься над тем, что же пленяло моих соотечественников в этой стране.

История Нагасаки хорошо показывает, как после реставрации Мейдзи Япония жадно впитывала западную культуру и ее достижения. С другой стороны, европейцы, много лет добивавшиеся открытия Японии, смогли вплотную заняться изучением неведомой страны. Почти все русские исследователи и востоковеды въезжали в Японию через Нагасаки. Их поражали древность и стойкость японских культурных традиций, которые проявлялись в повседневной жизни японцев и разительно отличались от европейских ценностей. «Этой культурой можно любоваться, — писал русский путешественник С.М. Волконский, — внести в свой дом, но жить там почти невозможно для русского человека, который привык к европейской атмосфере. Любуется, но дышит корнями своей расы». Что ж, наверное, это естественно: оставаться верным своей культуре в чужеродном окружении, в то же время стараясь понять особенности японского быта, древние обычаи и обряды. Примеры русских эмигрантов тому подтверждение.

Вечером забрался на одну из вершин, примыкавших к месту моего временного жилья, и вспомнил впечатления подполковника генерального штаба М.И. Венюкова: «Улицы города правильны, большею частью вымощены посередине плитами и имеют, где нужно, широкие каменные лестницы для перехода из одних кварталов в другие, лежащие выше. Окружающие город холмы усеяны храмами, живописно разбросанными среди садов и кладбищ, а вершины более отдаленных гор увенчаны вековыми лесами или группами отдельных деревьев. С

одной из таких вершин, Компиры-ямы, открывается редкий вид на соседние бухты Нагасакскую, Омурскую и пр. Внизу, у берега Нагасаки, виднеется островок Децима, столь знаменитый по долговременному пребыванию нидерландской фактории и ныне застроенной голландцами же, но уже на европейский манер» .

Вид сверху на Нагасакскую бухту был настолько захватывающим, что рука тут же потянулась за фотоаппаратом. Как не порадоваться тому, что давно минули времена, когда обычное желание запечатлеть понравившийся пейзаж могло быть принято за шпионаж и повлечь за собой арест. Впрочем, нет дыма без огня: ведь тот же Михаил Иванович Венюков приезжал в Японию за сбором разведсведений, а сколько японских офицеров проехали по России с такими же целями. В конечном итоге, это помогло им выиграть Русско-японскую войну.

ДЕНЬ 29-ЫЙ

«Мир праху Вашему», или Последний день на кладбище

Хотел написать «иду на кладбище, как на работу», но будет лучше сказать, как на встречу с давно знакомыми людьми. Сегодня же особый день — прощание с Инасой. Опять вниз по ступенькам, через центр, мост и, наконец, Русская деревня. Встречная симпатичная девушка, мило улыбнувшись, поздоровалась. Хорошо понимаю, почему русские моряки были так увлечены японками из Инасы!

Уже в который раз медленно иду по узким улочкам, стараясь запомнить все дома, дворики и палисадники... Хозяйки поливают цветы. Сушится белье. Старичок без рубашки, в простых, по-нашему, семейных трусах перебегает через дорогу. Ни дать, ни взять — деревня, но уже не русская. По пути заскочил в цветочную лавку, где купил роскошный букет, а потом в продовольственный магазин за баночкой фирменного нагасакского саке — надо же напоследок помянуть своих соотечественников. Хотя этот обычай не связан с христианством, но обычно так провожают или поминуют усопших в России. Проходя мимо небольшой антикварной лавочки, решил зайти: вдруг там есть что-то русское. Улыбчивый японец покачал головой:

— Нет, ничего такого нет, а вот старинные монеты из Вашей страны имеются...

Вряд ли эти деньги имели отношение к русской истории этой местности, и я не стал их рассматривать.

Зато старинный бронзовый чайничек с драконом весьма изящной работы привлек внимание: может быть, какая-нибудь здешняя мусуме наливала из него пахучий напиток своему русскому другу.

С низкими поклонами и предельно вежливыми словами благодарности вручил цветы девушке из храма, а в ответ она, с такими же приседаниями, протянула мне ключ от калитки на русский участок. Еще раз прошелся вдоль могил, произнося про себя прощальные слова тем, кто отсюда уже никогда не выберется. Старался впитать в себя запах травы, стрекот сверчков, протяжный гудок буксира, доносившийся с бухты. Вспомнил слова Сакихары-сенсей : «Это они привели тебя в Японию!» Спасибо вам...

Разулся и походил босиком. Трава на удивление мягкая, а от нагретых солнцем камней веет приятной теплотой. Если закрыть глаза, то можно представить себя где-нибудь в русском поле. Присев на каменную ступеньку, открыл баночку саке и, отглотнув, подумал о лежащих здесь соотечественниках... Чувствую ли я их энергию и память? Еще как! Надгробия,

поросшие мхом, отодвигают от меня это прошлое. Когда-то у каждой могилы копошились люди. Порой их было много, когда хоронили моряка, члена большого экипажа. А иного покойника некому было проводить в последний путь, например, бедолагу-эмигранта, волею судьбы заброшенного в Японию. Мысленно совершаю путешествие во времени, представляя, как в 1941 г. здесь падали бомбы, а в 45-м взвился атомный гриб.

Не хотелось никуда спешить, сидеть бы так и сидеть здесь, внимая голосу Истории... Всюду виднелись покосившиеся православные кресты, кое-где вместо них стояли поврежденные временем стволы старинных корабельных орудий. Смотрю на белую, талантливо спроектированную часовню. Найду ли когда-нибудь ее автора? Да и о тех, для кого этот погост стал последним причалом, знаю совсем чуть-чуть. Много вопросов пока еще остается без ответа... Но время идет, и нужно собираться на поиски русского прошлого, сохранившегося в других местах Японии.

Совсем стемнело, когда вернулся в свою комнату.

Почти час наводил порядок и собирал вещи — как быстро человек обрастает всяким барахлом! Еще больше времени заняло подведение итогов, а также планирование полевых исследований в Кобе, куда предстояло отправиться.

ДЕНЬ 30-ЫЙ

До свидания, Нагасаки!

Хотя встал очень рано и мог бы напоследок еще раз насладиться пешей прогулкой по Нагасаки, но накопившийся багаж диктовал свои условия. А может, это и к лучшему: долгие проводы — лишние слезы?!

По пути бросил в мусорный контейнер свои ботинки: все-таки выдержали, хотя почти каждый день их ремонтировал! На трамвае доехал до железнодорожного вокзала и поставил памятную печать в своем дневнике: японцы держат их на любой станции. Вот и мой вагон. Поезд мягко трогается и быстро набирает скорость. Я же мысленно машу рукой полюбившемуся городу, вновь напевая про себя слова знаменитой песни:

...Уходит капитан в далекий путь,

Не видеv девушки из Нагасаки.

Увы, мне не встретилось следов романтических увлечений русских моряков. Но так ли это важно?

P O S T S C R I P T U M

Позднее Любовь Семеновна Яшкова рассказала мне

и о Кристине Ричардовне Щербининой, которая умерла 23 сентября 1966 г. Она завещала отвезти ее прах во Владивосток, чтобы поместить рядом с останками мужа. В свое время, встречая в Японии советских моряков, она всегда рассказывала им, где находится могила Щербинина, и просила положить цветы... В те времена это было невозможно, и друзья похоронили ее на родительском участке. По желанию Кристины надпись на могильной плите была сделана на русском языке. Дочь Кристины выучилась на врача и жила во Франции. У нее родился сын-блондин, по мнению бабушки, очень похожий на русского деда. Сын, сохранив фамилию Щербинин, уехал в Аргентину, где стал художником. Русский дом Щербининой, общей площадью 500 кв. м, разрушили лет двадцать тому назад. Власти Нагасаки предлагали наследнице-японке, ухаживавшей за Кристиной, выкупить его и сделать чем-то вроде туристической достопримечательности. Сначала она не захотела, а когда спохватилась, было уже поздно... Жаль, этот дом, который находился в двух шагах от бывшего Русского консульства, послужил бы напоминанием о русском присутствии в этом городе. Остается неизвестным и то, где находится архив К.Р. Щербининой.

Позднее попытался опять связаться с инициаторами создания сайта, на котором разместили объявление о поиске Яшковой, но так и не смог добиться от них внятного ответа.

Последним моим делом, связанным с Нагасаки, стала беседа с настоятелем Токийского подворья Московской Патриархии отцом Николаем. Я посетовал на то, что железная дверь в часовню Святого Николая почти не открывается. Священник сразу связался с Российским посольством и там нашли деньги на ремонт.

Некоторые ответы на вопросы, заданные в Нагасаки, автор нашел на полпути в Токио, где занимался русскими страницами района Кансай, который включает в себя города Кобе, Осака и Киото . Но это уже другая история...

Монография

А.А. Хисамутдинов
Русский Нагасаки

Путеводитель

Издательство
Дальневосточного университета
Владивосток
2018

Электронное издание

Хисамутдинов Амир Александрович

A.A. Khisamutdinov

Русский Нагасаки
Russian Nagasaki: Pages from a diary

Компьютерная верстка и техническое оформление

Михайлова Анна Вячеславовна

Подписано в печать 20.06.2018

Формат 84x108/32

Усл. печ.л 38,4

Гарнитура Monion Pro, Nan Zi

Издательство Дальневосточного университета, 690091,

Владивосток, ул. Фонтанная, 47

